

КРОССЫ

ТРИ СЛЕПЫХ
МЫШОНКА

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ
ДЕТЕКТИВНЫХ ПРОИЗВЕДЕНИЙ

Агата Кристи

«Три слепых мышонка»

Три слепых мышонка
Бегали сторонкой.
Хозяйка острый нож взяла,
Взмахнула раз,
Взмахнула два.
Отрубила хвостики
Малышам она.
Видели такое?
Ах, какое горе!

Было очень холодно. Хмурое небо тяжело нависло над землей; казалось, вот-вот пойдет снег.

По Калвер-стрит спешил человек в темном пальто, лицо у него было укутано шарфом; шляпу он натянул по самые уши. Подойдя к дому номер семьдесят четыре, он поднялся по ступенькам и позвонил. Внизу, в полуподвальном этаже, раздался пронзительный звонок.

Миссис Кейси стояла у раковины и мыла посуду.

– Пропади ты пропадом, – в сердцах сказала она. – Никакого покоя нет от этого звонка.

Тяжело ступая и недовольно ворча себе под нос, она поднялась по лестнице и отворила дверь.

На фоне сумрачного неба вырисовывался силуэт незнакомца.

– Миссис Лайон? – шепотом спросил он.

– Третий этаж. Она вас ждет?

Незнакомец кивнул.

– Ну, тогда поднимайтесь и постучите в дверь.

Он двинулся вверх по лестнице, накрытой потертым ковром. Миссис Кейси проводила его взглядом.

Как рассказывала она впоследствии, ее уже в тот момент «охватило какое-то непонятное предчувствие». Но на самом деле тогда она подумала только, что незнакомец, видно, совсем продрог, потому и голоса лишился; да и чему удивляться – погода, сами видите, какая.

Миновав первый пролет лестницы, он вдруг начал тихонько насвистывать на мотив «Три слепых мышонка».

Молли Дэвис отступила на дорогу и полюбовалась свеженамалеванной вывеской.

ПОМЕСТЬЕ «МАНКСВЕЛЛ» ПАНСИОН

Она одобрительно кивнула. Смотрится. Еще как

смотрится. Прямо как настоящая. Ну, почти как настоящая. Правда, последнее «н» в слове «пансион» ушло немного кверху, а «Манксвелл» пришлось чуть-чуть ужать, но в целом очень неплохо, Джайлс отлично с этим справился. До чего же он способный. Мастер на все руки Она каждый день открывает в своем муже новые достоинства. Он почти ничего о себе не рассказывает, так что о его талантах она узнает исподволь, мало-помалу. Видно, правду говорят, у бывших моряков золотые руки.

Да уж, в этом новом для них деле Джайлсу придется показать все, на что он способен. Шутка ли содержать пансион! Ведь ни у нее, ни у Джайлса нет никакого опыта. Зато интересно. Да и с домом все улаживается как нельзя лучше.

Все это Молли сама придумала. Когда тетушка Кэтрин умерла, Молли получила письмо от ее поверенных. Оказывается, тетка завещала ей свое поместье. Первой мыслью, естественно, было продать его. Джайлс тогда ее спросил, какое оно, это поместье. «Ох, огромный старинный несуразный дом, обставленный скучной старомодной викторианской мебелью. Парк, правда, хорош, но страшно запущен – когда началась война, в поместье остался только один старый садовник».

Вот они и решили дом продать, а себе взять немно-

го мебели, чтобы обставить маленький коттедж или квартирку.

Однако тут их тотчас настигли две трудности. Во-первых, им не удалось найти ни маленького коттеджа, ни квартиры. Во-вторых, мебель оказалась очень громоздкой.

– Ну что же, – сказала Молли, – значит, придется продавать все вместе. Надеюсь, это можно устроить?

– Можно, – заверил их стряпчий. – В наше время можно продать все что угодно. Думаю, поместье купят под пансион или гостиницу, в этом случае и мебель пригодится. К счастью, дом в хорошем состоянии. Как раз перед войной покойная мисс Эмори его отремонтировала и оснастила современными удобствами. Износ совсем невелик. Дом в полном порядке, уверяю вас. Вот тут-то Молли и пришла на ум эта мысль.

– Джайлс, – сказала она, – а почему бы нам самим не устроить в поместье пансион?

Муж поднял ее на смех, но она не сдавалась.

– Много постояльцев брать не будем, по крайней мере, поначалу. В доме есть все удобства – горячая и холодная вода в спальнях, центральное отопление, газовая плита. Можно завести кур и уток, у нас будут свои яйца, овощи тоже свои.

– А кто будет работать? Ведь так трудно найти прислугу.

– Сами будем. Где бы мы ни жили, все равно нам придется работать. Ну, будет у нас в доме еще несколько человек, разве так уж много работы нам прибавится? Когда дойдет до дела, найдем подходящую прислугу. Если пустить, скажем, пять постояльцев и с каждого взять по семь гиней в неделю...

Молли стала прикидывать в уме, какая прибыль их ожидает – результат получался весьма обнадеживающий.

– Подумай, Джайлс, это будет наш собственный дом. И все в нем будет наше. А если продадим поместье, неизвестно сколько еще лет пройдет, пока мы обречем собственное жилье.

– Да, это правда, – согласился Джайлс.

Они так неожиданно и поспешно поженились и так недолго еще прожили вместе, что оба горели желанием поскорее обзавестись собственным домом.

Итак, они начали готовиться к великим свершениям. Первым делом дали объявление в «Тайме» и в местную газету. Вскоре стали приходиться ответы.

И вот сегодня прибывает первый гость. Джайлс рано поутру уехал на автомобиле в другой конец графства, чтобы раздобыть проволочную сетку, которая, если верить рекламе, там продается. Молли объявила, что пойдет в деревню, чтобы сделать последние покупки.

Вот только с погодой не повезло. Два дня стоял пронизывающий холод, а сегодня повалил снег. Молли торопливо шла к дому по подъездной аллее. Снег легкими пушистыми хлопьями ложился на плечи ее непромокаемого плаща, на светлые кудрявые волосы. Прогноз погоды был в высшей степени неутешительный. Обещали обильный снегопад.

Молли боялась, как бы не замерзли трубы центрального отопления. Ужасно, если с самого начала так не повезет. Она взглянула на часы. Время вечернего чая миновало. Должно быть, Джайлс уже вернулся. Сидит и гадает, куда же она запропастилась.

«Еще раз пришлось идти в деревню – опять кое-что позабыла», – скажет она.

«Уж не консервы ли?» – засмеется он.

Консервы, к которым они оба питали слабость, служили у них предметом постоянных шуток. А в кладовой их нового дома хранился изрядный запас разных консервированных продуктов – на случай крайней необходимости.

Взглянув на небо, Молли поморщилась: похоже, такая необходимость не заставит себя ждать, подумала она.

В доме было пусто. Джайлс еще не вернулся. Сначала Молли заглянула в кухню, потом поднялась и осмотрела приготовленные для гостей спальни. Ком-

ната с окнами на юг – там мебель красного дерева и кровать с пологом – предназначена для миссис Бойл. Голубая спальня, обставленная дубовой мебелью, – для майора Меткалфа. В комнате с эркером, обращенным на восток, разместится мистер Рен. Спальни выглядят очень мило... И какое счастье, что у тетушки Кэтрин оказался большой запас превосходного постельного белья. Молли поправила стеганое покрывало и спустилась вниз. Начало смеркаться. Дом вдруг показался ей пугающе тихим и пустым. Стоит он на отшибе: до деревни две мили. Как говорит Молли, куда ни глянешь – те же две мили.

Ей и раньше приходилось оставаться одной в доме, но она никогда не чувствовала себя в нем такой одинокой.

Снег мягко бил в окна, рождая шепчущий тревожный звук. А вдруг Джайлс не вернется. Вдруг навалит такие сугробы, что автомобиль не пройдет. Вдруг ей придется остаться одной. Совсем одной и, может быть, на несколько дней.

Она огляделась: большая удобная кухня; так и представляешь себе – во главе огромного стола, на почетном месте сидит этакая дородная, довольная собой повариха. Она подносит ко рту песочное пирожное, прихлебывает чай. Мерно двигаются ее крепкие челюсти. По одну сторону от нее сидит горничная,

прислуживающая за столом, высокая дама почтенной наружности, по другую – горничная, убирающая комнаты, свежая и пухленькая. На другом конце стола примостилась судомойка; она подобострастно таращит на всех глаза. А что же на самом деле? В целом доме ни души, кроме нее, Молли Дэвис. Похоже, она не слишком годится для той роли, которую ей приходится играть. Да и вообще она живет какой-то ненастоящей жизнью... И Джайлс тоже какой-то ненастоящий. Она играет роль, просто играет роль, и все.

За окном в пелене снега мелькнула тень. Молли вздрогнула – какой-то незнакомец подходит к дому. Вот хлопает боковая дверь. Он приближается, он уже на пороге. Стряхивает снег... Незнакомец, забредший в пустой дом.

Видение вдруг исчезает.

– О, Джайлс, – вскрикнула Молли. – Как я рада, что ты вернулся!

– Добрый вечер, любимая! Что за скверная погода! Господи, я совсем продрог.

Он бьет нога об ногу и дышит себе на руки. Молли машинально подобрала пальто, – опять он бросил его на сундуке! – повесила на крючок, вынула из набитых как попало карманов шарф, газету, моток шпагата, утреннюю почту, разложила все это по местам, вошла в кухню и поставила на плиту чайник.

– Ну что, купил сетку? – спросила она. – Тебя не было целую вечность.

– Нет, не купил. Сетка есть, но нам она не подходит. От такой сетки никакого проку. Поехал на другой склад-то же самое. А что делала ты? Никто до сих пор не приехал?

– Ну, миссис Бойл, во всяком случае, раньше завтрашнего дня не появится.

– Майор Меткалф и мистер Рен должны быть сегодня.

– Нет, майор Меткалф уведомил, что сможет приехать только завтра.

– Значит, обедать мы будем с мистером Реном. Интересно, какой он, как ты думаешь? По-моему, он чиновник в отставке.

– А по-моему, артист.

– Ну, тогда надо взять с него за неделю вперед.

– Ну что ты, Джайлс! Ты забываешь про багаж. Если не заплатит, не отдадим ему вещи.

– А вдруг вместо вещей окажутся булыжники, завернутые в газету? Беда в том, что мы с тобой понятия не имеем, с кем нам придется иметь дело. Надеюсь, наши постояльцы не догадаются, насколько мы неопытны.

– Уж кто-кто, а миссис Бойл наверняка догадается. Она такая.

– Откуда ты знаешь? Разве ты ее видела?

Но Молли уже не слушала. Она расстелила газету, достала сыр и принялась его натирать.

– Зачем это? – спросил Джайлс.

– Приготовлю валлийские гренки с сыром. Хлебный мякиш, мятый картофель, чуть-чуть сыру. Нельзя же делать сырные гренки без сыра.

– Ты что, любишь стряпать? – воскликнул приятно удивленный Джайлс.

– Сама не знаю. Приготовить могу, но только что-то одно. А чтобы делать сразу все, нужен большой опыт. Хуже всего завтрак.

– Почему?

– Потому что все надо готовить одновременно – и яйца, и ветчину, и горячее молоко, и кофе, и тосты. Молоко убегает, тосты подгорают, бекон скворчит, стреляет раскаленными брызгами, яйца норовят свариться вкрутую. А ты носишься, как... ошпаренная кошка.

– Завтра утром я сюда прокрадусь – хочется посмотреть, как выглядит ошпаренная кошка.

– Вода кипит, – сказала Молли. – Ну что, отнесем поднос в библиотеку, послушаем радио? В это время как раз передают новости.

– Похоже, нам придется почти все время торчать на кухне. Не провести ли радио и сюда?

– Хорошо бы. В кухне так уютно. Люблю кухню. По моему, это самая лучшая комната в доме. Мне нравится этот шкаф, эти тарелки, нравится, что тут так просторно. Сразу видно, дом – полная чаша. Хотя, конечно, благодарю Бога, что мне не приходится служить здесь кухаркой.

– Наверное, угля в этой печи в один день сжигается больше, чем в ином доме за год.

– Само собой. Зато представь, какую тушу тут можно зажарить, какой филей или, например, седло барашка¹! А гигантские медные тазы, в которых кипит клубничный джем... Одного сахара туда идет, должно быть, фунтов пять. Ах, эта милая, уютная викторианская Англия! Ты посмотри, какая мебель наверху массивная, тяжелая, резная. А какая удобная, сколько места для одежды, для белья, и ящики так легко выдвигаются. Вспомни эту новомодную современную квартиру, которую мы с тобой снимали. Сплошь встроенная мебель, и все вроде бы должно сдвигаться и выдвигаться. Какое там! Ящики заклинивают, двери не закрываются, а уж если захлопнешь, то потом не откроешь.

– Да ну, ничего хорошего от этих технических новшеств ждать не приходится. Того и гляди, попадешь в беду.

---

¹ Седло барашка – поясничная часть туши молодого барашка.

– Ну что, пойдём послушаем радио.

В новостях сообщили, что погода ожидается дурная, что в международных делах по-прежнему царит застой, что в парламенте идут оживленные дебаты, что на Калвер-стрит, Паддингтон², совершено убийство.

– Все! – Молли выключила приемник. – Не собираюсь больше слушать! Сейчас начнут: «Экономьте топливо! Экономьте топливо!» Надоело! Чего они хотят? Чтобы мы сидели и мерзли? Не надо было нам открывать пансион зимой. Лучше бы дожждаться весны. – Она помолчала, потом добавила уже без прежней озабоченности в голосе:

– А интересно, какая она, эта женщина, которую убили.

– Миссис Лайон?

– Ее звали миссис Лайон? Интересно, кто ее убил. И почему.

– Может быть, она прятала клад под полом.

– Судя по сообщению, полиция рвется допросить кого-то, кто оказался «на месте преступления». Наверное, это и есть убийца, правда.

– Скорее всего. В официальных сообщениях никогда не называют вещи своими именами.

Пронзительный звонок заставил их вздрогнуть.

---

² Паддингтон – район в северо-западной части Лондона.

– Появляется убийца, – весело объявил Джайлс.

– Прямо как в какой-нибудь пьесе. Отопри скорее.

Это, должно быть, мистер Рен. Посмотрим, кто из нас прав, ты или я.

В отворенную дверь ворвался ветер со снегом. Молли выглянула из библиотеки. На белом полотне метели за порогом она увидела силуэт незнакомца.

«Ох уж эти наши цивилизованные мужчины, – подумала Молли, – до чего они все похожи друг на друга. Темное пальто, серая шляпа, шарф вокруг шеи».

Джайлс захлопывает дверь под носом у расходившейся стихии, мистер Рен разматывает шарф, швыряет в сторону небольшой чемоданчик, вдогонку ему посылает шляпу – кажется, будто он все это проделывает одновременно – и говорит, говорит высоким и каким-то жалобным голосом.

Свет зажженной в холле лампы позволил рассмотреть незнакомца. Это был молодой человек с копной светлых, выгоревших волос и бесцветными бегающими глазами.

– Ужасно, просто ужасно, – тараторил он. – Наша английская зима со всеми ее прелестями, поневоле вспомнишь сочельник³, и Скруджа, и Малютку Тима⁴. Нужно иметь богатырское здоровье, чтобы вы-

---

³ Сочельник – канун церковных праздников Рождества и Крещения.

⁴ Скрудж Эбинизер и Малютка Тим – персонажи сказки «Рождествен-

держат такую непогоду. Вы согласны? Я теперь из Уэльса пришлось пересечь чуть ли не всю страну. Что за скверная дорога! Вы миссис Дэвис? Очень приятно!

Он схватил Молли за руку и порывисто пожал своими цепкими пальцами.

– Я вас представлял себе совсем по-другому, – сыпал словами мистер Рен. – Этакой, знаете, вдовой генерала колониальных войск. Этакой суровой мэмсаиб⁵. А кругом безделушки, безделушки из Бенареса». А здесь все, оказывается, выдержано в викторианском вкусе. Чудесно, просто чудесно... А восковые букетики у вас есть? А райские птички? О, мне здесь все больше и больше нравится. Знаете, я так боялся, что дом будет убран в восточном стиле, а тут настоящий феодальный замок... И никакого тебе хлама из Бенареса. Подумать только, просто восхитительно – настоящая викторианская респектабельность. Скажите, а нет ли у вас этих чудных, резных, с растительным орнаментом буфетов красного дерева, с пурпурно-сливовым оттенком?

– Вообще говоря, есть, – проговорила Молли, оглу-

ская песнь в прозе» (1843) английского писателя Чарлза Диккенса (1812—1870).

⁵ *Мемсаиб* – именование знатной женщины, преимущественно европейки, в Индии.

шенная потоком слов.

– О! Можно посмотреть? Прямо сейчас! Где они? Здесь?

Такая поспешность способна кого угодно привела бы в замешательство. Мистер Рен сунулся в столовую и включил там свет. Молли последовала за ним. Она спиной чувствовала, что Джайлс крайне не одобряет бесцеремонного гостя.

Мистер Рен своими длинными костлявыми пальцами погладил, постанывая от удовольствия, массивный буфет, богато украшенный резьбой.

– Неужто у вас нет большого обеденного стола красного дерева? – сказал он, с упреком глядя на хозяев. – Зачем вы понатыкали тут эти маленькие столики?

– Нам кажется, так удобнее для гостей, – ответила Молли.

– Голубушка, конечно же вы совершенно правы. Меня просто занесло – чувства разыграли. Разумеется, большой стол просто обязывает вас иметь надлежащую семью. Строгий, степенный глава семьи, желательна с бородкой; чадолюбивая, изнуренная бесконечными родами мать, человек этак одиннадцать детишек, суровая гувернантка и еще некая особа, которую все называют «бедняжка Харриет». Она бедная родственница, состоит у всех в услужении и ужасно

признательна за то, что ее приютили. Поглядите на этот камин... Видите, как бьется пламя, как невыносимо оно припекает спину «бедняжки Харриет».

– Отнесу-ка я ваш чемодан наверх, – сказал Джайлс. – Куда? В комнату с окнами на восток?

– Да, – кивнула Молли.

Джайлс пошел наверх, и мистер Рен вслед за ним тоже выскочил в холл.

– А там есть кровать с пологом из ситца в мелкую розочку? – заверещал он.

– Нет, – буркнул Джайлс и скрылся из глаз, свернув на верхний пролет лестницы.

– Кажется, у меня нет ни малейшей надежды заслужить симпатию вашего мужа, – вздохнул мистер Рен. – Где он служил? Во флоте?

– Да.

– Я так и подумал. Моряки самые нетерпимые, не то что пехотинцы или летчики. Вы очень влюблены в него?

– Может быть, вы все-таки подниметесь и осмотрите вашу комнату...

– Простите, крайне неуместный вопрос. – Но мне, правда, хочется знать. По-моему, ужасно интересно узнавать все о людях, вам не кажется? Не только кто они и чем занимаются, но что думают, что чувствуют.

– Вы ведь мистер Рен? – сухо осведомилась Молли.

– Ах, как это ужасно – всегда я начинаю не с того, с чего надо. Да, я Кристофер Рен⁶. Погодите, не смейтесь. Мои родители были романтики. Они мечтали, чтобы я стал архитектором. Наречь меня Кристофером – какая блестящая мысль! Можно считать, полдела сделано, думали они.

– Значит, вы архигектор? – спросила Молли, не удержавшись от улыбки.

– Да! – В голосе мистера Рена слышалось ликование. – Почти. У меня пока еще нет диплома. Вот вам прекрасный пример, как сбывается то, чего сильно желаешь. На самом деле это имя мне только по-меха, понимаете? Никогда в жизни мне не стать вторым Кристофером Реном. Однако «Сборные домики Криса Рена» могут завоевать признание.

Джайлс спустился вниз, и Молли сказала:

– Я покажу вам вашу комнату, мистер Рен.

– Ну что, он, наверное, в восторге от дубовой мебели? – спросил Джайлс, когда Молли вернулась.

– Понимаешь, ему так хотелось кровать с пологом, что я поместила его в розовой спальне.

---

⁶ *Рен Кристофер* (1692—1723) – известный английский архитектор, построивший главный собор англиканской церкви в Лондоне – собор Святого Павла.

Джайлс проворчал что-то весьма нелестное о «разных нахальных юнцах».

– Послушай, Джайлс, – решительно сказала Молли, мы что, сюда друзей пригласили погостить? Это же наша с тобой работа. Нравится ли тебе Кристофер Рен или..

– Не нравится, – буркнул Джайлс.

– ...не имеет ровно никакого значения. Он платит семь гиней в неделю, и с этим надо считаться.

– Еще неизвестно, платит ли.

– Но ведь он дал согласие. У нас есть его письмо.

– Это ты перенесла его чемодан в розовую комнату?

– Нет, он сам, конечно.

– Смотри, какой любезный, – Но и ты смогла бы без труда поднять его чемодан. Какие уж тут булыжники, завернутые в газету? Мне показалось, что он пустой.

– Шш, он идет, – шепнула Молли.

Кристофера Рена провели в библиотеку. «А здесь и правда очень мило», – подумала Молли, окидывая взглядом массивные стулья и огромный камин.

– Обед через полчаса, – сказала она и добавила, что других постояльцев сегодня не будет.

– В таком случае, если вы не против, я готов вам помочь на кухне. Могу приготовить омлет, если вы его любите, – откликнулся мистер Рен с подкупающей

непосредственностью.

Вечер закончился на кухне, где Кристофер помог Молли мыть посуду.

Молли почему-то все время ловила себя на мысли, что у них все идет как-то не так, как принято в пансионе. И Джайлсу все это не по вкусу. «Ничего, – думала она засыпая, – завтра, когда придут остальные постояльцы, все будет по-другому».

Утро выдалось пасмурное, снова шел снег. Джайлс был мрачен, и Молли упала духом. Похоже, эта ужасная погода все испортит.

У такси, на котором приехала миссис Бойл, на колеса были надеты цепи, а шофер не мог сообщить ничего утешительного о состоянии дорог.

– К вечеру еще больше наметет, – мрачно пообещал он.

Присутствие миссис Бойл отнюдь не скрашивало царящего вокруг уныния. Это была крупная женщина крайне непривлекательной наружности с зычным голосом и властными ухватками. Природная деспотичность миссис Бойл расцвела пышным цветом благодаря войне, во время которой упрямая и воинствующая деловитость этой почтенной дамы приносила ей неизменный успех.

– Знала б, что вы тут только начинаете, нипочем бы не приехала, – заявила она. – Я-то думала, у вас процветающий пансион с хорошей репутацией, где все поставлено на научную основу.

– Если вам что-то не нравится, никто вас не заставляет здесь оставаться, миссис Бойл, – сказал Джайлс.

– Разумеется, если меня что-то не устроит, я и не подумаю остаться.

– Может быть, вы хотели бы сразу вызвать такси, миссис Бойл, – предложил Джайлс. – Пока дороги еще проезжие. Если у вас есть какие-то сомнения, может быть, все-таки стоит поселиться где-нибудь в другом месте. Наши комнаты пользуются таким большим спросом, что мы легко найдем желающих. Впредь мы, конечно, повысим цену, – добавил он.

Миссис Бойл бросила на него острый взгляд.

– Пока не собираюсь уезжать. Хочу посмотреть, что у вас тут за место. Может, вы будете столь любезны, миссис Дэвис, и дадите мне большое купальное полотенце. Не привыкла вытираться этими современными носовыми платками.

Джайлс ухмыльнулся и подмигнул Молли за спиной удаляющейся миссис Бойл.

– Дорогой, ты просто неподражаем, – сказала Молли. – Здорово ты ее осадил!

– Нахалов надо бить их собственным оружием, –

заметил Джайлс.

– Bravo, мой дорогой. Не знаю только, поладят ли они с Кристофером Реном.

– Ни за что! – засмеялся Джайлс. И впрямь в тот же день после полудня миссис Бойл сказала Молли:

– Очень странный молодой человек.

В ее голосе звучало явное неодобрение.

Пекарь, который был похож на настоящего полярника, принес хлеб и предупредил, что в следующий раз через два дня – вероятно, прийти не сможет.

– Везде заносы, – посетовал он. – Надеюсь, у вас довольно запасов?

– О да! – сказала Молли. – У нас много консервов. Хотя лучше бы я запасла еще муки.

«Ведь пекут же ирландцы свой хлеб на соде», – рассеянно думала она. На худой конец придется прибегнуть к этому способу.

Пекарь принес и газеты. Молли разложила их на столе в холле. Международные новости отступили на задний план. Первые полосы занимали сообщения о погоде и об убийстве миссис Лайон.

Молли разглядывала мутный фотографический снимок убитой, когда услышала за спиной голос Кристофера Рена:

– Скорей всего, это убийство из корыстных побуждений, вам не кажется? До чего унылый вид у этой

женщины.., и у этой улицы. Едва ли за подобным убийством что-нибудь кроется, как по-вашему?

– А у меня так нет никаких сомнений – эта тварь получила по заслугам, – фыркнула миссис Бойл.

– О! – с готовностью откликнулся мистер Рен, живо поворачиваясь к ней. – Значит, вы считаете, что это преступление на сексуальной почве, да?

– Ничего я не считаю, – отрезала миссис Бойл.

– Ее ведь задушили, правда? Хотелось бы знать, – мистер Рен вытянул свои длинные белые пальцы, – что чувствуешь, когда душишь человека?

– Что это с вами, мистер Рен!

Кристофер двинулся к ней.

– Как вы думаете, миссис Бойл, а что испытываешь, когда тебя душат? – проговорил он, понизив голос.

– Что это с вами, мистер Рен? – повторила она с негодованием.

– «Человек, которого ищет полиция, – вслух прочла Молли, – среднего роста, одет в темное пальто, светлую фетровую шляпу, шерстяной шарф».

– То есть похож на любого из нас, – засмеялся Кристофер Рен.

– Да, – сказала Молли. – Вот именно – на любого из вас.

В своем кабинете в Скотленд-Ярде инспектор Парминтер говорил сержанту Кейну:

– А теперь хочу взглянуть на этих двух свидетелей, рабочих.

– Да, сэр.

– Что они собой представляют?

– Немногословны. Реакция замедленная. Заслуживают доверия.

– Отлично, – кивнул инспектор Парминтер. Рабочие, принарядившиеся, очевидно, в свои самые лучшие костюмы, тотчас предстали перед ним. Вид у них был смущенный. Парминтер окинул их быстрым оценивающим взглядом. Он как никто всегда умел успокоить и ободрить свидетелей.

– Значит, вы считаете, что можете дать полезные сведения по делу Лайон, – сказал он. – Очень любезно, что вы пришли. Садитесь. Курите?

Инспектор подождал, пока они взяли сигареты и закурили.

– Погода отвратительная.

– Именно, сэр.

– Ну, так что – выкладывайте.

Рабочие переглядывались, явно робея и затрудняясь начать.

– Давай ты, Джо, – сказал тот, что повыше.

– Вот как было дело, сэр. Понимаете, у нас не ока-

залось спичек.

– Где это случилось?

– На Джермен-стрит... Мы там работали на мостовой.., там газовая магистраль.

Инспектор Парминтер кивнул. Подробности – точное время и место – он выяснит позже. Джермен-стрит находится по соседству с Калвер-стрит, где совершено убийство.

– Итак, у вас не оказалось спичек, – повторил он, желая ободрить Джо.

– Ну да. Смотрю, а коробок-то у меня пустой. И у Билла зажигалка, как назло, не работает. А тут идет мимо какой-то малый. Я к нему: «Не будет ли у вас спичек, мистер?» Мне тогда и в голову ничего такого не пришло, ей-богу. Ну, идет себе мимо, вот и все.., там много прохожих. А я случайно и спрости у него.

Парминтер снова кивнул.

– Ну вот, он дает нам спички. Ничего не говорит. А Билл ему: «Холод, мол, собачий». А он шепотом так и отвечает: «Что есть, то есть». Видно, схватил простуду, бедалага. Весь замотан по самые уши. «Спасибо, мистер», – говорю и отдаю ему спички. Ну он и пошел себе, да так проворно. Смотрю, обронил он что-то. Хотел было догнать, да где там. Подхожу, смотрю, это записная книжка, небольшая такая, видно, выпала у него из кармана, когда он доставал спички. «Эй,

мистер! – кричу я. – Обронили что-то». А он, видно, не слышит., как припустит, да за угол, так ведь, Билл?

– Точно. Удрал, как кролик.

– По Хэрроу-роуд. Ясно, что нам уже его не догнать, поздно. Больно проворно он припустил. Да и книжечка такая-то махонькая. Будь то бумажник или что другое важное, а то, подумашь, записная книжка. «Чудной малый», – говорю я Биллу, так ведь, Билл?

– Так-так. Точно, – поддакнул Билл.

– Странно, что я тогда ничего не заподозрил. Наверное, спешит домой – вот что я тогда подумал. Мне и в голову не пришло, что он замешан в этом деле. И что не простыл он вовсе!

– Так-так. Вовсе не простыл, – снова подал голос Билл.

– Ну вот я и говорю Биллу: «Давай, мол, посмотрим, что за книжка, может, там что важное». Гляжу я, сэр, а там два адреса. «Тут только пара адресов, – говорю Биллу. – Калвер-стрит, семьдесят четыре, и еще какое-то поместье, что ли, черт его знает».

– Шикарное что-то, – презрительно фыркнул Билл. Джо продолжал свой рассказ. Видимо, он уже вошел во вкус.

– «Калвер-стрит, семьдесят четыре», – говорю я Биллу. – «Это здесь, за углом. Вот закруглимся и можем туда смотаться...» И тут вдруг смотрю, а сверху

на этой же странице что-то написано. «Что это!» – говорю Биллу. Он берет блокнот и читает вслух: «Три слепых мышонка». «Должно быть, у этого парня крыша поехала», – говорит Билл. И в эту самую минуту, да-да, в эту самую минуту, сэр, слышим, кричит женщина: «Убивают!» Кричит где-то неподалеку.

Тут Джо сделал эффектную паузу.

– Вопит так, что и мертвый оживет, – снова заговорил он. – Я говорю Биллу: «Слетай-ка туда». Он возвращается и рассказывает, что там уже собралась большая толпа и полиция приехала. Говорят, какой-то женщине то ли горло перерезали, то ли задушили. Хозяйка меблированных комнат обнаружила труп и принялась вопить. «Где это случилось?» – спрашиваю у Билла. «На Калвер-стрит», – отвечает. «А номер дома?» – говорю я, а он мне: «Не заметил».

Билл кашлянул, шаркнул ногами со смущенным видом, как человек, который понимает, что дал маху.

– Ну, значит, я и говорю: «Давай сгоняем туда, посмотрим». Тут-то мы и выяснили, что это дом номер семьдесят четыре. Стали думать, что делать. «Может, адрес в записной книжке тут ни при чем», – говорит Билл. А я ему: «А если при чем?» Обсудили, значит. Слышим, полицейские хотят допросить того малого, который недавно вышел из этого дома. Ну, вот мы и пришли сюда. Спросили, можно ли повидать джентль-

мена, который ведет это дело. Надеюсь, сэр, вы не зря потеряли время с нами.

– Вы действовали совершенно правильно, – одобрительно заметил Парминтер. – Записную книжку прихватили с собой? Благодарю. А теперь...

И он принялся деловито и умело их расспрашивать. В результате этого проведенного с большим мастерством допроса комиссар выяснил все, что его интересовало. Единственное, что ему не удалось добыть, – описание внешности незнакомца, обронившего записную книжку. Эти двое подтвердили то, что инспектор уже слышал от истерически рыдавшей квартирной хозяйки – натянута на уши шляпа, наглухо застегнутое пальто, нижняя часть лица замотана шарфом, руки в перчатках, севший до шепота голос.

Парни ушли, а инспектор все сидел за столом, пристально глядя на маленькую записную книжку, лежащую перед ним. Надо не мешкая обратиться в лабораторию и выяснить, не удастся ли обнаружить на книжке отпечатки пальцев. Но сейчас внимание инспектора было приковано к этим двум адресам и к строчке, мелко написанной сверху.

Инспектор обернулся к вошедшему в кабинет сержанту Кейну.

– Подите сюда, Кейн. Взгляните.

Сержант подошел, стал за спиной Парминтера,

вслух прочел стишок и присвистнул.

– «Три слепых мышонка». Будь я проклят!

– Да. – Парминтер выдвинул ящик, вытащил оттуда четвертушку листа и положил на стол рядом с записной книжкой. На этом клочке бумаги, аккуратно припиленном к платью на груди убитой, было написано: «Первая», а ниже детской рукой нарисованы три мышонка и приписаны два-три такта какой-то мелодии, Кейн снова присвистнул, тоном выше. «Три слепых мышонка бегали сторонкой...»

– Все сходится. Тот самый мотив.

– Безумие какое-то, как по-вашему, сэр?

– Да. – Парминтер нахмурился. – Женщину опознали?

– Да, сэр. Вот заключение из отдела дактилоскопии. Миссис Лайон – так она себя называла – на самом деле это Морин Грегг. Два месяца назад освобождена из Холлоуэя⁷ после отбытия срока наказания.

– Стало быть, поселилась на Калвер-стрит, семьдесят четыре, назвавшись Морин Лайон, – задумчиво говорил Парминтер. – Не пренебрегала спиртным; говорят, раза два приводила к себе какого-то мужчину. Непохоже, чтобы боялась кого-то или чего-то. Предполагать, что ей грозила опасность, нет никаких осно-

---

⁷ *Холлоуэй* – тюрьма в Лондоне, самая большая женская тюрьма в Великобритании, основанная в 1883 году.

ваний. Неизвестный позвонил в дверь, спросил миссис Лайон. Хозяйка ему сказала, чтобы он поднялся на третий этаж. Описать его она не может. Заметила только, что он среднего роста и, кажется, простужен – говорит шепотом. Хозяйка вернулась к себе, в полуподвальный этаж. Ничего подозрительного не слышала. Как ушел незнакомец, тоже не слышала. Минут через десять она понесла чай миссис Лайон и увидела, что та задушена. Это преднамеренное убийство, Кейн. Причем тщательно спланированное. – Он помолчал. – Интересно, сколько вилл в Англии носят название «Поместье Манксвелл»? – нетерпеливо проговорил он.

– Возможно, всего лишь одна, сэр.

– Едва ли нам так повезет. Однако надо действовать. Нельзя терять времени.

Сержант задумчиво разглядывал запись в книжке: «Калвер-стрит, семьдесят четыре. „Поместье Манксвелл“».

– Стало быть, вы думаете... – начал он.

– Да. А вы разве нет? – нетерпеливо бросил Парминтер.

– Может быть. «Поместье Манксвелл»..., где я... Знаете, сэр, готов поклясться, что совсем недавно где-то видел это название.

– Где?

– Вот я и стараюсь припомнить. Постоите минутку... Газета... «Тайме». Последняя страница. Минутку... Гостиницы и пансионаты... Секундочку, сэра... Старая газета. Я еще там кроссворд отгадывал.

Он выскочил из кабинета и вскоре вернулся с газетой в руках.

– Вот, смотрите, сэра, – с торжествующим видом сказал сержант, указывая пальцем нужную строку.

– «Поместье Манксвелл», Харпледен, Беркшир, прочел инспектор и придвинул к себе телефонный аппарат. – Соедините с Главным полицейским управлением графства Беркшир.

С приходом майора Меткалфа в «Поместье Манксвелл» пошла такая же размеренная, хорошо налаженная жизнь, как и во всяком процветающем пансионе. В майоре не было ни сокрушительной напористости, как в миссис Бойл, ни сумасбродства, как в мистере Кристофере Рене. Это был флегматичный господин средних лет, щеголеватый, с военной выправкой, прослуживший, видно, почти всю свою жизнь в Индии. Казалось, он вполне доволен и своей комнатой, и тем, как она обставлена. Хотя общих друзей у них с миссис Бойл не нашлось, тем не менее выяснилось, что в Пуна⁸ он был знаком с родственниками

---

⁸ Пуна – город в Индии в штате Махараштра на западе центральной части страны.

– «йоркширской ветвью» – ее друзей. Багаж майора Меткалфа – два тяжелых чемодана свиной кожи – не вызывал сомнений даже у недоверчивого Джайлса.

Сказать по правде, у Молли и Джайлса не было времени особенно раздумывать о своих постояльцах. Они приготовили и подали обед, все убрали, вымыли посуду. Майор Меткалф похвалил кофе. Джайлс и Молли отправились спать усталые, но очень довольные. А в два часа ночи их разбудил настойчивый звонок.

– Проклятье! – проворчал Джайлс. – Звонят в дверь. Какого черта...

– Быстрее, – сказала Молли. – Пойди посмотри.

Бросив на жену укоризненный взгляд, Джайлс запахнул халат и спустился вниз. Молли услышала звук открываемой задвижки и приглушенные голоса в холле. Влекомая любопытством, она выскользнула из постели и принялась подглядывать с верхней площадки лестницы. Джайлс помогал бородатому незнакомцу снять заснеженное пальто. До нее долетели обрывки разговора.

– Брр, – раскатисто на французский лад произнес незнакомец. – Пальцы совсем ооченели – я их не чувствую. А ноги...

Молли услышала, как он бьет нога об ногу.

– Входите. – Джайлс отворил дверь библиотеки. –

Тут тепло. Вам лучше подождать здесь, пока я приготовлю комнату.

– Право, мне необыкновенно повезло, – вежливо сказал незнакомец.

Молли с любопытством выглянула из-под перил. Она увидела немолодого джентльмена с маленькой черной бородкой и мефистофельскими бровями⁹. Незнакомец двигался легко и упруго, как юноша, хотя на висках у него пробивалась седина.

Джайлс затворил за собой дверь библиотеки и торопливо взбежал по лестнице. Молли, которая сидела согнувшись в три погибели, выпрямилась.

– Кто это? – спросила она. Джайлс усмехнулся:

– Еще один гость. У него машина перевернулась в сугроб. Он еле выбрался, шел пешком, совсем из сил выбился. Ну и буран! Послушай, как завывает. Ну вот, шел он, шел, видит – наша вывеска. Говорит, Бог внял его молитвам.

– Он правду говорит, как ты думаешь?

– Дорогая, грабитель в такую ночь на промысел не пойдет.

– Он что, иностранец?

---

⁹ ...и мефистофельскими бровями... – Имеются в виду густые черные брови, сросшиеся на переносице и расходящиеся под углом к надбровным дугам, как на изображении духа сомнения и зла Мефистофеля, которому доктор Фауст согласно средневековой легенде продал душу.

– Да. Его зовут Паравицини. Я видел его кошелек наверное, он нарочно мне его показал – видно, денег у него куры не клюют. Какую комнату мы ему отведем?

– Зеленую. Там все прибрано и приготовлено. Нужно только застелить постель.

– Наверное, надо дать ему мою пижаму. Все его вещи остались в машине. Он сказал, что ему пришлось вылезти через окно.

Молли достала простыни, наволочки, полотенце.

Они проворно приготовили постель.

– А снег все валит! – сказал Джайлс. – Похоже, скоро нас совсем занесет и мы будем отрезаны от всего мира. Даже интересно, правда?

– Право, не знаю, – с сомнением в голосе отвечала Молли. – Как ты думаешь, я смогу испечь хлеб на соде?

– Конечно! Ты все можешь, – восхищенно воскликнул преданный Джайлс.

– Никогда не приходилось печь хлеб. Вообще как-то про хлеб забываешь. Свежий ли, черствый ли, но всегда знаешь, что пекарь его доставит. Но если нас занесет, какой уж тут пекарь.

– Какой уж мясник, какой уж почтальон! Какие уж газеты, хорошо, если телефон будет работать.

– Значит, останется только радио, да?

– Хорошо хоть электричество-то у нас собственное!

– Тебе надо завтра обязательно снова запустить генератор. И за центральным отоплением мы должны следить.

– Думаю, теперь и кокс нам не подвезут. А у нас его в обрез.

– О, Господи! Ну, Джайлс, чувствую, попали мы с тобой в переделку. Ладно, веди поскорее Пара.., как бишь его? А я пойду спать.

Утром прогноз Джайлса подтвердился. Снежный покров достигал высоты пять футов. Окна и двери занесло, а снег все шел и шел. Кругом было белым-бело и тихо-тихо – все представало в каком-то зловещем виде.

Миссис Бойл спустилась к завтраку. В столовой никого, кроме нее, не было. Прибор майора Меткалфа за соседним столиком уже убрали, а столик мистера Рена был накрыт. Видимо, один жаворонок, другой сова. Сама миссис Бойл твердо знала, что единственное подходящее время для завтрака – девять часов.

Она покончила с превосходным омлетом и теперь пережевывала тост своими крепкими белыми зубами. Она пребывала в дурном настроении, и ее одолевали сомнения. «Поместье Манксвелл» оказалось совсем не таким, каким оно рисовалось в воображении

миссис Бойл. Она-то надеялась, что тут составитя партия в бридж... Что ее ждет общество увядающих одиноких дам, которые будут благоговеть перед нею – еще бы, ведь у нее такое положение, такие связи, – а она им намекнет, сколь важная секретная миссия была возложена на нее во время войны.

Когда война окончилась, миссис Бойл оказалась не у дел – ее будто выбросили на необитаемый остров. А она привыкла быть в гуще событий, привыкла чувствовать себя нужной, любила порассуждать о том, каким умелым и расторопным должен быть ответственный государственный чиновник. Она отличалась столь сокрушительной энергией и напористостью, что никому и в голову не приходило поинтересоваться, насколько она сама умелый и расторопный чиновник. Ее деятельность подходила ей как нельзя лучше. Она командовала людьми, нагоняла на них страх, терроризировала начальников департаментов и, надо отдать ей должное, себя тоже не щадила. Своих подчиненных гоняла в хвост и в гриву, и они трепетали от одного ее взгляда. Но вот эта захватывающая, кипучая деятельность окончилась. Миссис Бойл вернулась к мирным будням, от того, что составляло ее жизнь прежде, не осталось и следа. В свой дом, который во время войны реквизируют для нужд армии, она въехать не могла – его надо было прежде

основательно отремонтировать и заново обставить. Да и как вернешься в дом, когда нанять прислугу почти невозможно. Друзей у миссис Бойл не осталось во время войны их раскидало по всему свету. Дайте срок, и эта почтенная леди, безусловно, найдет себе место в обществе, но теперь ей необходимо было немного выждать. Гостиница или пансион давали, по ее мнению, возможность достойно выйти из положения. И она остановила свой выбор на «Поместье Манксвелл».

Миссис Бойл безглаголиво огляделась.

«С их стороны просто непорядочно, – думала она, не предупредить, что они только начинают».

Она отодвинула от себя тарелку. Завтрак приготовлен и сервирован безупречно, кофе и домашний мармелад превосходны. Однако это обстоятельство почему-то еще больше ее раздосадовало. Ну как тут выразить недовольство, когда тебя лишают законного предлога. Постель у нее тоже оказалась необычайно удобная, простыни вышитые, а подушка как пух. Миссис Бойл любила комфорт, но столь же пылко она любила ко всему придирааться. Из двух этих страстей последняя была даже более сильной.

Поднявшись, миссис Бойл величественно выпрямилась и выплыла из столовой. В дверях она едва разминулась с тем самым чудаковатым рыжеволосым

юнцом. На нем был клетчатый ядовито-зеленый – вырви глаз! – шерстяной галстук.

«До чего нелепый тип, – подумала миссис Бойл. – Просто на редкость нелепый».

А какой взгляд он искоса кинул на нее своими бесцветными глазами! Нет, этот взгляд ей решительно не нравился. Будто юнец над ней издевается, что ли... Весьма странный взгляд, он вызвал у нее тревогу.

«Психопат, это сразу видно», – сказала себе миссис Бойл.

Едва кивнув в ответ на его подчеркнuto церемонный поклон, она прошествовала мимо него в просторную гостиную. Весьма удобные здесь кресла, и особенно вот это, розовое. Надо сразу дать всем понять, что это будет ее кресло. И чтобы никто на него не посягал, она положила на сиденье свою рабочую корзину. Потом подошла к батарее, тронула ее рукой. Как она и ожидала, батарея была не горячая, а всего лишь теплая. В глазах миссис Бойл сверкнул воинственный огонь. Наконец появился повод отчитать хозяев.

Она взглянула в окно. Отвратительная погода..., совершенно отвратительная. Нет, надолго она здесь не останется, разве что понаедут еще постояльцы и станет повеселее.

Снег с шорохом соскользнул с крыши. Миссис Бойл

вздрагнула.

– Нет, – вслух сказала она, – надолго я здесь не останусь.

За спиной у нее раздался негромкий визгливый смешок. Она испуганно обернулась. В дверях стоял юный Рен и смотрел на нее своим загадочным взглядом.

– Нет, – сказал он. – Скорее всего, останетесь.

Майор Меткалф помогал Джайлсу отгребать снег от задней двери. Работал он истово, и Джайлс не скупился на изъявление благодарности.

– Отличная зарядка, – сказал майор Меткалф. – Это надо проделывать ежедневно. Чувствуешь себя в форме.

Стало быть, майор Меткалф питает пристрастие к физическому труду. Джайлс так и думал. Недаром он потребовал завтрак в половине восьмого.

Майор будто прочел мысли Джайлса.

– Очень любезно, что ваша жена приготовила мне завтрак пораньше. Свежие яйца оказались весьма кстати.

Сам Джайлс встал, когда еще и семи не было, – он ведь хозяин и у него целый ворох обязанностей. Они с Молли позавтракали яйцами и чаем и принялись за

уборку. Вскоре все у них уже сияло и блестело чистой. Джайлс невольно подумал, что, будь он сам постояльцем; нипочем бы не вылез в такую погоду из постели в эдакую-то рань. Валялся бы до последнего момента.

А вот майор встал, позавтракал и бродил по дому, ища, куда бы приложить свои силы.

«Ну что ж, – подумал Джайлс, – пусть работает снегу хватит».

Джайлс искоса взглянул на своего помощника. Что он за человек, сразу и не скажешь. Грубоватый, уже немолодой, смотрит как-то настороженно.., с чего бы это? Но такой не проговорится, сразу видно. Зачем он приехал в «Манксвелл», удивлялся Джайлс. Наверное, демобилизованный и не может найти работу.

Мистер Паравицини спустился поздно, спросил кофе и тост – скудный французский завтрак.

Когда Молли принесла ему все это, он вскочил, отвесил преувеличенно вежливый поклон и пылко воскликнул:

– Наша очаровательная хозяйка? Я не ошибаюсь?

Молли немного смутилась и сдержанно ответила, что он не ошибается. Она была совсем не расположена выслушивать любезности.

– Ишь какие! – ворчала она, с грохотом сваливая в раковину грязную посуду. – Изволят завтракать в разное время. Хлопот не оберешься.

Она швырнула тарелки на полку и понеслась наверх убирать постели. Сегодня от Джайлса помощи не дождешься. Ему надо расчистить дорожку к котельной и к курятнику.

Молли мигом убрала постели, кое-как расправив простыни и одним махом взбив подушки.

Она наводила чистоту в ваннных комнатах, когда зазвонил телефон.

Молли чертыхнулась, досадуя, что ей помешали, но тут же почувствовала облегчение – хоть телефон-то еще работает! – и побежала вниз.

Запахавшись, она влетела в библиотеку и сняла трубку.

– Да?

– «Поместье Манксвелл»? – услышала она уверенный мужской голос. Выговор у незнакомца был немного провинциальный, но вполне приятный.

– Пансион «Поместье Манксвелл».

– Могу ли я поговорить с хозяином, мистером Дэвисом? Будьте любезны.

– К сожалению, он сейчас не сможет подойти к телефону, – сказала Молли. – Я миссис Дэвис. С кем я говорю?

– Старший инспектор Хогбен. Беркширское полицейское управление.

Молли онемела от изумления.

– О! Гм-гм... Да? – с трудом произнесла она.

– Миссис Дэвис, понимаете, дело срочное. Не хочу говорить об этом по телефону. Я послал к вам сержанта Троттера. Он будет с минуты на минуту.

– Пока никого нет. Нас занесло снегом, совершенно занесло. По дорогам не проедешь.

Голос на другом конце провода звучал по-прежнему уверенно:

– Троттер до вас доберется, не сомневайтесь. Пожалуйста, миссис Дэвис, внушите своему мужу, чтобы он внимательно выслушал то, что сообщит вам Троттер, и неукоснительно выполнил его распоряжения. Это все.

– Позвольте, старший инспектор Хогбен, как вас... – начала было Молли, но услышала резкий щелчок.

Хогбен, видно, сказал все, что считал нужным, и дал отбой. Дважды нажав на рычаг, Молли тоже положила трубку. Услышав, как отворяется дверь, она обернулась.

– О Джайлс, наконец-то!

На волосах у него лежал снег, угольная пыль въелась в кожу. Вид у него был возбужденный.

– Вот, послушай, дорогая! Ящики для угля напол-

нил, дрова принес, в курятнике убрал, бойлер проверил. Все, кажется? Что с тобой, Молли? Вид у тебя какой-то испуганный.

– Джайлс, звонили из полиции.

– Из полиции? – неуверенно переспросил он.

– Да, они послали сюда то ли инспектора, то ли сержанта, в общем что-то вроде этого.

– Зачем? Что мы сделали?

– Не знаю. Может быть, это из-за тех двух фунтов масла, которые мы получили из Ирландии.

Джайлс нахмурился.

– Кстати, надо найти лицензию на радиоприемник.

– Да, она в письменном столе. Знаешь, Джайлс, миссис Бидлок дала мне пять талонов за мое старое твидовое пальто. Наверное, это незаконно.., хотя, по моему, совершенно честно. Отдаю пальто – получаю талоны, что тут такого? Господи, что еще мы могли натворить?

– На днях я чуть не столкнулся на автомобиле с одним парнем. По его вине, это точно.

– Должно быть, мы все-таки что-то натворили, причитала Молли.

– В наше время что ни сделаешь, все незаконно, – уныло отозвался Джайлс. – От этого постоянно чувствуешь себя виноватым. Вообще-то, по моему, все дело в том, что мы содержим этот пансион. Наверняка

есть множество каких-то ограничений, о которых мы и понятия не имеем.

– Что точно грозит неприятностями, так это продажа спиртного. Но мы ведь этим не занимаемся. А в остальном.., ведь это наш собственный дом, что хотим, то и делаем.

– Совершенно справедливо. Но я же говорю, в наше время почти все запрещено.

– О, лучше бы нам было за это не браться. Как занесет нас снегом на несколько дней.., все начнут злиться, раздражаться. Запасы консервов кончатся...

– Не вешай нос, любимая, – сказал Джайлс. – Сейчас нам не везет, но все устроится, вот увидишь.

Он с рассеянным видом поцеловал ее в макушку и сказал уже совсем иным тоном:

– Знаешь, Молли, должно быть, случилось что-то весьма серьезное, иначе бы не послали сержанта сюда, за тридевять земель в такую-то непогоду. – Джайлс махнул рукой в сторону заснеженного окна. – Да, что-то не терпящее отлагательств...

Они стояли, уставившись друг на друга. Вдруг отворилась дверь и вошла миссис Бойл.

– А, вот вы где, миссис Дэвис, – приступила она. – Известно ли вам, что батареи в гостиной совсем холодные?

– Извините, миссис Бойл. У нас мало угля, и мы...

начала Молли.

– Я плачу семь гиней в неделю, – гневно перебила ее миссис Бойл. – Семь гиней! И не собираюсь мерзнуть!

Джайлс вспыхнул.

– Пойду подброшу угля, – сухо сказал он и вышел из комнаты.

Как только дверь за ним затворилась, миссис Бойл повернулась к Молли.

– Позвольте сказать вам, миссис Дэвис, тут живет весьма странный молодой человек. Его манеры.., а галстук... И он что, никогда не причесывается?

– Он талантливый молодой архитектор, – ввернула Молли.

– Простите?

– Кристофер Рен – архитектор и...

– Милочка, – снова перебила ее миссис Бойл, – естественно, я слышала о сэре Кристофере Рене. Разумеется, он был архитектором. Он построил собор Святого Павла. Вы, молодые, кажется, считаете, что до того, как вышел Закон о всеобщем образовании¹⁰, мы все были темные.

---

¹⁰ Закон о всеобщем образовании – Имеется в виду закон Фишера 1918 года о введении бесплатного обучения в общеобразовательной школе и о повышении минимального возраста выпускников до 15 лет (по имени министра образования Х. Фишера).

– Да нет, я говорю о нашем мистере Рене. Его зовут Кристофер. Родители так его называли, потому что надеялись, что он станет архитектором. Вот он и стал им., или вот-вот станет, так что все получилось очень удачно.

– Гм! – фыркнула миссис Бойл. – Что-то не верится. Все это весьма подозрительно. На вашем месте я навела бы справки. Много ли вам известно об этом молодом человеке?

– Столько же, сколько и о вас, миссис Бойл. И вы и он платите нам по семь гиней в неделю. Только это мне и следует знать, вам не кажется? Остальное меня не касается. Нравятся ли мне мои постояльцы, – Молли твердо посмотрела в глаза миссис Бойл, – нет ли, не имеет ровно никакого значения.

Миссис Бойл сердито покраснела.

– Вы молоды и неопытны, вы должны прислушиваться к советам тех, кто более искушен, чем вы! А этот ваш чудаковатый иностранец? Когда он явился?

– Ночью.

– Вот видите. Что за блажь такая! Нашел время!

– У нас нет права отказывать путнику в гостеприимстве, миссис Бойл. Впрочем, возможно, вы этого и не знаете, – добавила, приятно улыбаясь, Молли.

– Могу сказать только одно – мне кажется, этот ваш Паравицини или как там он себя называет...

– Берегитесь, сударыня. Как известно, черт легок на помине.

Миссис Бойл вздрогнула, будто и в самом деле услышала голос потусторонних сил. Мистер Паравицини проскользнул в комнату так тихо, что дамы ничего не заметили. Он потирал руки и негромко по-стариковски посмеивался сатанинским смехом.

– Вы меня напугали, – сказала миссис Бойл. – Я не слышала, как вы вошли.

– А я хожу на цыпочках, – сказал мистер Паравицини. – Никто никогда не слышит, как я вхожу. Ужасно забавно. Поэтому иногда я невольно подслушиваю, что тоже бывает забавно. И никогда не забываю того, что услышал, – тихо добавил он.

– В самом деле? – сказала миссис Бойл каким-то тусклым голосом. – Пойду возьму свое вязание, я его оставила в гостиной.

И она торопливо вышла из комнаты. Молли недоуменно глядела на мистера Паравицини. Он, странно подпрыгивая на каждом шагу, приблизился к ней.

– Кажется, моя очаровательная хозяйка немного растерянна.

И прежде чем Молли успела ему помешать, он схватил ее руку и поцеловал.

– Что случилось, сударыня?

Молли попятилась от него. Ей было как-то не по се-

бе. Он, не сводя глаз, смотрел на нее взглядом стареющего сатира.

– Ах, сегодня все идет неладно, – стараясь казаться беспечной, сказала она. – А все этот снег.

– Да. – Мистер Паравицини обернулся и посмотрел в окно. – Снег усложняет нам жизнь, правда? Но кое-что он весьма облегчает.

– О чем вы? Не понимаю.

– Да, – задумчиво проговорил он. – Вы еще многого не понимаете. Например, вы даже не знаете толком, как содержать пансион.

Молли упрямо вздернула подбородок.

– Да, не знаем. Но намерены преуспеть в этом деле.

– Браво, браво!

– В конце концов, – в голосе Молли звучала легкая тревога, – готовлю я не так уж плохо.

– Вы прекрасно готовите, спору нет, – сказал мистер Паравицини.

«До чего все-таки неприятные манеры у этих иностранцев», – подумала Молли.

Похоже, мистер Паравицини прочел ее мысли. Во всяком случае, его поведение резко изменилось. Он вдруг заговорил серьезно и сдержанно:

– Могу я дать вам маленький совет, миссис Дэвис? Видите ли, вы с мужем слишком доверчивы. Навели

ли вы справки о ваших постояльцах?

– Разве это принято? – встревожилась Молли. – Я думала, что приехать может всякий, кто захочет.

– Всегда полезно хоть немного знать о людях, которые живут с тобой под одной крышей. – Мистер Паравицини подался к Молли и похлопал ее по плечу. – Возьмем, например, меня. – В его голосе зазвучали зловещие нотки. – Появился среди ночи, сказал, что автомобиль опрокинулся в сугроб. Что вы знаете обо мне? Ничего. Вероятно, и о других постояльцах тоже.

– Миссис Бойл... – начала Молли, но запнулась, потому что почтенная леди с вязанием в руках как раз входила в комнату.

– В гостиной слишком холодно. Посижу здесь.

И она прошествовала к камину. Мистер Паравицини, проворно совершив почти балетный пируэт, опередил миссис Бойл.

– Позвольте, я для вас поправлю огонь в камине.

Как и вчера вечером, Молли поразила юношеская живость его движений. И еще она заметила, что он все время старается повернуться спиной к свету. А сейчас, когда он, опустившись на колени, мешал в камине, она угадала причину – его лицо было явно, хотя и очень искусно, загримировано.

Значит, этот старый осел старается казаться моложе своих лет! Ну и ну! Однако это ему плохо удает-

ся. Он выглядит на свои годы и даже старше. Правда, легкость, с которой он двигается, никак не согласуется с его почтенным возрастом. Хотя, возможно, свою походку он просто умело имитирует.

Внезапное появление майора Меткалфа вывело Молли из задумчивости и заставило ее вновь обратиться мыслями к неприятностям насущной жизни.

– Миссис Дэвис, боюсь, трубы..., э... – майор деликатно понизил голос, – внизу в уборной замерзли.

– О, Боже, – простонала Молли. – Ужасный день! То полиция, то трубы.

Мистер Паравицини со стуком уронил кочергу в камин. Миссис Бойл перестала вязать. Молли с изумлением увидела, как майор Меткалф внезапно окаменел и на лице у него появилось странное выражение. Молли даже не могла бы его описать. Ничего нельзя было прочесть на этом лице, ни чувств, ни мыслей – все куда-то ушло, и оно стало как маска, вырезанная из дерева.

– Полиция, вы говорите? – отрывисто бросил майор. Молли понимала, что эта его скованность не более чем личина, скрывающая сильные чувства. Может быть, страх, или тревогу, или крайнее возбуждение. «Этого человека надо опасаться», – сказала себе Молли.

– Так что же полиция? – Теперь в его голосе звучало

сдержанное любопытство.

– Оттуда звонили, – сказала Молли. – Только что. Уведомили, что к нам послан сержант. – Молли взглянула в окно. – Думаю, что он сюда не доберется, – с надеждой сказала она.

– Зачем они послали полицейского? – Майор придвинулся к ней, но она не успела ответить – дверь отворилась и вошел Джайлс.

– Проклятый кокс! Сплошные камни! – с раздражением сказал он. И, обведя всех взглядом, резко бросил:

– Что тут у вас стряслось?

Майор Меткалф повернулся к нему:

– Говорят, сюда едет полиция? Зачем?

– О, нечего беспокоиться, – сказал Джайлс. – Сюда не доберешься. Сугробы пять футов высотой. По дорогам не проедешь. Сегодня здесь никто не появится.

В эту минуту кто-то громко постучал в застекленную дверь – три сильных отчетливых удара.

Все вздрогнули. Было непонятно, кто мог стучать. В этом звуке слышалось что-то зловещее, будто по-сторонние силы подали свой таинственный знак. Вдруг Молли вскрикнула и указала на застекленную дверь. Человек, стоявший за ней, снова постучал в стекло. Тайна появления незнакомца объяснялась просто – на нем были лыжи.

Джайлс бросился открывать и, немного повозившись с задвижкой, отворил дверь, – Благодарю вас, сэр, – сказал незнакомец. У него был сочный, грубоватый голос и загорелое, обветренное лицо.

– Сержант Троттер, – представился он. Миссис Бойл, забыв про вязанье, сверлила вновь прибывшего взглядом.

– Он не может быть сержантом, – строго сказала она. – Он слишком молод, Молодого человека, который и вправду был очень юн, такое заявление, казалось, оскорбило.

– Я выгляжу моложе своих лет, только и всего, сударыня, – сказал он немного раздраженно.

Его глаза обежали всех присутствующих и остановились на Джайлсе.

– Вы мистер Дэвис? Я хотел бы сбросить лыжи и куда-нибудь их убрать.

– Разумеется. Пойдемте со мной.

Когда дверь за ними затворилась, миссис Бойл язвительно заметила:

– По-моему, теперь мы платим полицейским за то, что они развлекаются лыжными прогулками.

Паравицини подошел к Молли.

– Зачем вы послали за полицией, миссис Дэвис? – прошипел он.

В его взгляде было столько холодной злобы, что

Молли даже отшатнулась. В нем не осталось ничего от прежнего мистера Паравицини. Молли почувствовала страх.

– Я не... не посылала, – пролепетала она.

В комнату ворвался взволнованный Кристофер Рен.

– Кто этот человек в холле? – спросил он громким шепотом. – Откуда он взялся? Ведь все дороги занесло снегом.

– Хотите – верьте, хотите – нет, но он – полицейский. Полицейский на лыжах! – прогудела миссис Бойл, позвякивая спицами.

Видимо, по ее мнению, это обстоятельство свидетельствовало о безнадежном падении нравов в низших сословиях.

– Извините, миссис Дэвис, могу я позвонить по телефону? – тихо сказал майор Меткалф.

– Конечно, майор Меткалф.

– А этот полисмен красивый малый, вы не находите? И вообще мне всегда казалось, что полисмены ужасно привлекательны, – сказал своим визгливым голосом Кристофер Рен.

– Алло, алло. – Майор Меткалф нервно постукивал по рычагу телефонного аппарата. – Миссис Дэвис, телефон молчит! Ни звука!

– Он только что работал. Я...

Она не договорила. Кристофер Рен принялся смеяться – громко, пронзительно, почти истерически:

– Значит, мы теперь отрезаны от мира! Совершенно отрезаны! Забавно, правда?

– Не вижу ничего смешного, – сухо заметил майор Меткалф.

– Действительно, – процедила миссис Бойл. А Кристофер все смеялся.

– Лично у меня, например, есть повод для смеха. – Он хихикнул, потом приложил палец к губам. – Ш-шш, идет сыщик.

Вошел Джайлс с сержантом Троттером. Сержант освободился наконец от своих лыж, отряхнул снег. В руках у него был большой блокнот и карандаш. Неторопливый и основательный, сержант как бы олицетворял собою идею правосудия.

– Молли, – сказал Джайлс, – сержант Троттер хочет поговорить с нами наедине.

И все трое вышли из комнаты.

– Идемте в кабинет, – предложил Джайлс. Они вошли в небольшую комнату по другую сторону холла, которая гордо именовалась кабинетом. Сержант Троттер плотно затворил за собой двери.

– Что мы такого натворили, сержант? – жалобно сказала Молли.

– Вы? – Сержант Троттер удивленно уставился на

нее, потом широко улыбнулся. – О! Ровно ничего, мэм. Извините, если ввел вас в заблуждение. Нет, миссис Дэвис, тут совсем другое дело. Речь о том, что вы нуждаетесь в защите полиции.

В полном недоумении они вопросительно смотрели на сержанта.

– Дело связано со смертью миссис Лайон, – быстро заговорил он, – миссис Морин Лайон, которую убили в Лондоне два дня назад. Может быть, вы читали об этом.

– Да, – сказала Молли.

– Я хочу узнать, во-первых, были ли вы знакомы с миссис Лайон?

– Никогда о ней не слышал, – сказал Джайлс.

– Я тоже, – шепотом сказала Молли.

– Ну, так мы и думали. Однако дело в том, что Лайон – не настоящее ее имя. Она зарегистрирована в полиции, и в картотеке есть ее отпечатки пальцев, поэтому мы смогли без труда идентифицировать личность убитой. Ее настоящее имя Грегг, Морин Грегг. Ее покойный муж, Джон Грегг, был фермер. Его ферма «Лонгридж» находится неподалеку отсюда. Может быть, вы слышали о том, что там случилось.

Молли и Джайлс хранили молчание, которое неожиданно нарушил негромкий шорох соскользнувшего с крыши снега – таинственный, зловещий звук.

– В тысяча девятьсот сороковом году на ферме у Греггов были размещены трое эвакуированных детей, – продолжал между тем Троттер. – Один из них умер в результате небрежного лечения и дурного ухода. Этот случай получил широкую огласку, и Грегги были осуждены и приговорены к тюремному заключению. По пути в тюрьму Грегг бежал, угнал автомобиль и, пытаясь скрыться от полиции, попал в аварию и скончался на месте. Миссис Грегг отбыла наказание и два месяца назад вышла на свободу.

– А теперь ее убили, – сказал Джайлс. – Кто убийца? Что думают в полиции?

Сержант Троттер не спешил с ответом.

– Вы помните дело Греггов? – спросил он.

Джайлс покачал головой.

– В тысяча девятьсот сороковом я был гардемаринном и служил во флоте в Средиземном море.

Троттер перевел взгляд на Молли.

– Я.., я, помнится, что-то слышала. – У нее перехватило дыхание. – Но что вас привело к нам? Чем мы можем вам помочь?

– Все дело в том, что вам угрожает опасность, миссис Дэвис!

– Опасность? – недоверчиво переспросил Джайлс.

– Вот именно, сэр. Поблизости от места преступления была подобрана записная книжка. В ней значат-

ся два адреса. Один из них – семьдесят четыре, Калвер-стрит.

– Это ведь там была убита эта женщина? – спросила Молли.

– Да, миссис Дэвис. А второй адрес – «Поместье Манксвелл».

– Что? – изумилась Молли. – Просто невероятно!

– Да. Вот почему старший инспектор Хогбен счел необходимым узнать, не связаны ли вы с делом Греггов.

– Нет, конечно..., решительно нет, – сказал Джайлс. – Должно быть, это совпадение.

– Старший инспектор Хогбен, – терпеливо проговорил сержант Троттер, – полагает, что это не совпадение. Если бы было возможно, он бы приехал сам. Учитывая погоду и то, что я опытный лыжник, он послал меня с заданием собрать подробные сведения о каждом, кто находится в этом доме, и сообщить их ему по телефону, а также принять все меры, которые я сочту необходимыми, чтобы обеспечить общую безопасность.

– Безопасность? – быстро переспросил Джайлс. – Вы что же, дружище, считаете, что здесь собираются кого-то убить?

– Не хотелось бы пугать вашу жену, сэр, но старший инспектор Хогбен думает, что так.

– Но какая, черт побери, причина?..

Джайлс осекся, а Троттер сказал:

– Я здесь как раз для того, чтобы это узнать.

– Но это же просто безумие!

– Да, сэр. В том-то и опасность.

– Вы ведь еще не все рассказали нам, сержант, правда? – спросила Молли.

– Да, мадам. В записной книжке, на той же странице, сверху написано: «Три слепых мышонка». К телу убитой был пришпилен клочок бумаги со словами «Первая». А ниже нарисованы три мышонка и нотная строка мелодия детской песенки «Три слепых мышонка».

Молли тихонько напела:

Три слепых мышонка
Бегали сторонкой,
Хозяйка острый нож взяла,
Взмахнула раз, взмахнула два...

Она запнулась.

– Ох, это просто ужасно.., ужасно. Ведь на ферме Греггов было трое детей, да?

– Да, миссис Дэвис. Мальчик пятнадцати и девочка четырнадцати лет и еще один двенадцатилетний мальчик, тот, который умер.

– Что же случилось с остальными?

– Девочку, я думаю, кто-то удочерил. Нам не удалось выяснить, где она теперь. Мальчику, должно быть, сейчас двадцать три года. Его след мы тоже потеряли. Поговаривали, что он какой-то..., странный. В восемнадцать он поступил на военную службу. Потом дезертировал. И с тех пор исчез. Армейский психиатр утверждает, что он был не вполне нормален.

– Это он убил миссис Лайон? По-вашему, он маньяк-убийца и может в любую минуту появиться здесь? – спросил Джайлс.

– Мы считаем, что кто-то из теперешних ваших постояльцев каким-то образом связан с трагедией на ферме «Лонгридж». Если мы убедимся, что такая связь действительно есть, мы будем готовы ко всему. Стало быть, вы утверждаете, сэр, что вы лично не связаны с этим делом. То же относится и к вам, миссис Дэвис?

– Я... О да..., да.

– Может быть, вы мне расскажете, кто находится у вас в доме?

Сержант записал в свой блокнот имена: миссис Бойл, майор Меткалф, мистер Кристофер Рен, мистер Паравицини.

– А прислуга?

– Мы не держим прислуги, – сказала Молли. – Ах, кстати, мне надо пойти приготовить картофель.

Она торопливо вышла из комнаты.

– Что вам известно об этих людях, сэр? – обратился к Джайлсу сержант Троттер.

– Я.., мы... – Джайлс помолчал. – Вообще-то ничего, сержант Троттер, – тихо сказал он. – Миссис Бойл написала нам из отеля в Борнмуте. Майор Меткалф из Лемингтона, мистер Рен из маленького отеля в Саут Кенсингтоне. Мистер Паравицини явился неожиданно, как гром среди ясного – вернее, снежного – неба: у него здесь неподалеку автомобиль перевернулся в сугроб. Но, я думаю, у них должны быть удостоверения личности, продовольственные талоны или что-то подобное.

– Конечно, я все это тщательно проверю.

– В каком-то смысле нам даже повезло, что погода такая ужасная, – сказал Джайлс. – Убийце трудно будет добраться сюда, правда?

– Вероятно, ему и не придется этого делать, мистер Дэвис.

– Что вы хотите сказать?

Сержант Троттер помедлил немного.

– Поймите, сэр, он, возможно, уже здесь.

Джайлс воззрился на него.

– Что вы хотите сказать? – повторил он.

– Миссис Грегг убита два дня назад. Все ваши постояльцы прибыли уже после этого, мистер Дэвис.

– Да, но они ведь заказали себе комнаты давно..., заблаговременно..., все, кроме мистера Паравицини.

Сержант Троттер вздохнул. Когда он заговорил, голос его звучал устало:

– Эти преступления спланированы заранее.

– Преступления? Но пока совершено только одно. Почему вы так уверены, что будет и другое?

– Надеюсь, не будет. Надеюсь этому помешать. Но уверен, что попытка его совершить будет.

– Но тогда..., если вы правы, – взволнованно заговорил Джайлс, – здесь только один подходящий человек. Только один подходящего возраста – Кристофер Рен!

Сержант Троттер пошел к Молли на кухню.

– Буду вам признателен, миссис Дэвис, если пройдете со мной в библиотеку. Хочу сделать сообщение. Мистер Дэвис любезно согласился подготовить...

– Хорошо. Позвольте мне только закончить. Иногда я жалею, что сэр Уолтер Рейли¹¹ завез к нам этот гадкий картофель.

Сержант Троттер молчал с непроницаемым видом.

– Право, я никак не могу поверить..., понимаете, все

---

¹¹ *Рейли Уолтер* (1552—1618) – английский мореплаватель и придворный королевы Елизаветы I, совершивший ряд путешествий в Северную и Южную Америку и привезший, как считается, оттуда картофель сначала, в Ирландию, а потом и в Англию.

это так не правдоподобно, – сказала Молли извиняющимся тоном.

– Ничего не правдоподобного, миссис Дэвис. Одни голые факты.

– Известны ли вам приметы убийцы? – спросила с любопытством Молли.

– Среднего роста, слабого телосложения, носит темный плащ и светлую шляпу, говорит шепотом, лицо у него было скрыто под шарфом. Понимаете, тут любой подходит. – Он помолчал, потом добавил:

– У вас в холле, миссис Дэвис, висят три темных пальто и три светлых шляпы.

– По-моему, все их обладатели не из Лондона.

– Разве, миссис Дэвис? – Быстрыми шагами сержант Троттер подошел к шкафу и взял с полки газету.

– «Ивнинг стандарт»¹² от девятнадцатого февраля, то есть двухдневной давности. Кто-то же принес сюда эту газету, миссис Дэвис.

– Невероятно. – Молли широко открытыми глазами смотрела на газету. Кажется, в памяти у нее что-то слабо шевельнулось. – Откуда взялась эта газета?

– Нельзя оценивать людей только по их внешнему виду, миссис Дэвис. Вы ведь ничего не знаете о тех людях, которых пустили к себе в дом. Насколько я по-

---

¹² «Ивнинг стандарт» – ежедневная лондонская вечерняя газета консервативного направления, основана в 1827 году.

нимаю, вы с мистером Дэвисом новички в этом деле?

– Да, – подтвердила Молли. Она вдруг почувствовала себя маленькой глупой девочкой.

– Вы, наверное, и замужем недавно?

– Всего год. – Она немного покраснела. – Это случилось довольно неожиданно.

– Любовь с первого взгляда, – понимающе подмигнул сержант Троттер.

Молли почувствовала, что не может его осадить.

– Да, мы были знакомы всего две недели, призналась она в порыве откровенности.

Она мысленно вернулась в те дни, когда их обоих закружил ураган чувств. Ни он, ни она сама не мучились никакими сомнениями. В тревожном, издерганном, неустроенном мире они чудом обрели друг друга. Слабая улыбка тронула губы Молли, и она вернулась в настоящее. Сержант Троттер сочувственно смотрел на нее.

– Ваш муж ведь не из этих мест, да?

– Да, – рассеянно сказала она. – Он из Линкольншира.

Она очень мало знала о детстве Джайлса, о том, какое воспитание он получил. Родители его умерли, и он избегал разговоров о своей юности. Она догадывалась, что у него было несчастливое детство.

– Вы оба еще так молоды, и вам, должно быть, труд-

но содержать пансион, – сказал сержант Троттер.

– Ох, не знаю, право. Мне двадцать два, а...

Она осеклась – дверь отворилась, и вошел Джайлс.

– Все готово. Я им обрисовал обстановку в общих чертах. Надеюсь, все в порядке, сержант?

– Да, только времени в обрез, – сказал Троттер. – Так мы можем приступить, миссис Дэвис?

Как только сержант Троттер вошел в библиотеку, все четверо разом заговорили.

Кристофер Рен своим громким визгливым голосом заявил, что все это слишком, слишком тревожно, и он, конечно, сегодня ночью не сомкнет глаз. И пожалуйста, пожалуйста, расскажите же нам все эти леденящие подробности.

– Совершенно возмутительно..., полнейшая некомпетентность..., убийцы слоняются по всей округе, а полиции и дела нет, – мощным басом вторила Кристоферу миссис Бойл.

Мистер Паравицини изъяснялся в основном жестами. Его руки оказались куда более выразительны, чем голос, который потонул в раскатах сочного баса миссис Бойл. Время от времени в нестройный хор врывалось короткое лающее стаккато¹³ майора Меткалфа,

---

¹³ *Стаккато* (ит.) – отрывистое воспроизведение следующих друг за

которого интересовали только факты.

Троттер, выждав минуту-другую, простер свою начальственную длань, и – о чудо! – воцарилось молчание.

– Благодарю, – сказал он. – Итак, мистер Дэвис вкратце объяснил вам, почему я оказался здесь. Мне нужно знать только одно, подчеркиваю, только одно и как можно скорее. Кто из вас так или иначе связан с делом на ферме «Лонгридж»?

Ответом ему было молчание. Все четверо смотрели на сержанта Троттера, и лица их были лишены всякого выражения. Волнение, негодование, истерическое возбуждение, тревога, любопытство только что искажали эти лица. Мгновенье, и все исчезло, все чувства с них стерты – так тряпкой стирают мел с грифельной доски.

Сержант Троттер снова заговорил, на этот раз более настойчиво:

– Пожалуйста, поймите меня. У нас есть основания считать, что кто-то из вас подвергается опасности, смертельной опасности. Я должен знать, кто именно!

И снова ни звука, ни движения.

– Хорошо. – В голосе Троттера проскользнули гневные нотки. – Буду опрашивать вас по одному.

Едва заметная улыбка мелькнула на лице мистера

Паравицини. Характерным для итальянцев жестом он протестующе воздел руки.

– Я здесь оказался по случаю, инспектор. Не знаю ничего, совсем ничего об этих ваших прошлых делах.

Но Троттер не стал терять времени.

– Миссис Бойл? – коротко бросил он.

– Право, не понимаю, почему.., я хочу сказать.., почему я должна иметь отношение к этому несчастному делу?

– Мистер Рен?

– Я же был ребенком в то время. Я даже слухов об этом не помню.

– Майор Меткалф?

– Читал об этом в газетах. В то время я находился в Эдинбурге.

– Это все, что вы можете сказать? Я обращаюсь к вам ко всем.

Снова молчание. Троттер нетерпеливо вздохнул.

– Если кого-то из вас убьют, – сказал он, – пеняйте на себя.

Он круто повернулся и вышел из комнаты.

– Боже мой, – сказал Кристофер. – Какая напыщенность! Впрочем, он весьма хорош собой, правда? Эти полицейские приводят меня в восторг. Такие суровые и непреклонные. А вообще это просто жуткое дело. «Три слепых мышонка». А как звучит мелодия? Так?

Он принялся тихонько насвистывать.

– Перестаньте! – вырвалось у Молли. Он закружился вокруг нее, засмеялся.

– Голубушка, – сказал он, – эта мелодия – моя визитная карточка. Прежде меня никогда не принимали за убийцу, а теперь я получаю от этого истинное удовольствие!

– Сплошной вздор с претензией на мелодраму. Не верю ни единому слову, – сказала миссис Бойл.

В бесцветных глазах Кристофера заплясали искорки зловещего смеха.

– Вот подождите, миссис Бойл, – понизив голос, заговорил он, – я подберусь к вам сзади, и вы почувствуете на своем горле мои пальцы, Молли содрогнулась. – Вы пугаете мою жену, Рен, – зло сказал Джайлс. – На редкость дурацкая шутка, черт побери.

– Дело совсем нешуточное, – сказал Меткалф.

– Напротив, – осклабился Кристофер. – Именно шуточное, только шутит-то помешанный. Это и придает всему делу такой восхитительно жуткий характер.

Он оглядел всех и снова засмеялся.

– Посмотрели бы вы сейчас на свои лица, – сказал он и выскочил из комнаты.

– До чего дурные манеры! И психопат к тому же, – первой нашлась миссис Бойл. – Наверняка из тех, кто отказывается от военной службы.

– Во время налета он был погребен под обломками. Прележал двое суток, пока его откопали. Он сам мне говорил, – сказал майор Меткалф. – Думаю, этим все и объясняется.

– Люди дают волю нервам, а потом находят себе всякие оправдания, – желчно заметила миссис Бойл. – Вот мне, например, во время войны досталось не меньше, чем другим, но у меня нервы в порядке.

– Ваше счастье, миссис Бойл, – сказал Меткалф.

– Что вы хотите сказать? – вскинулась миссис Бойл.

– Только то, – очень спокойно ответил майор Меткалф, – что на самом деле в тысяча девятьсот сороковом году вы были офицером и отвечали за размещение на постой в этом районе. – Он посмотрел на Молли, и она с мрачным видом утвердительно ему кивнула. – Разве это не правда?

Миссис Бойл покраснела от гнева.

– Ну и что из этого? – прошипела она.

– Вы, и только вы, ответственны за то, что детей отправили на ферму «Лонгридж», – сурово сказал Меткалф.

– Не понимаю, майор Меткалф, почему надо возлагать ответственность на меня. Грегг и его жена производили хорошее впечатление и очень хотели взять детей. Не понимаю, чем я виновата и почему я должна нести ответственность... – Голос у нее сорвался.

– Почему вы ничего не сказали сержанту Троттеру? – резко бросил Джайлс.

– Полиции это не касается, – огрызнулась миссис Бойл. – Это мое личное дело.

– Лучше бы вам остеречься, – негромко сказал майор Меткалф и вышел из комнаты.

– Ну конечно, это же вы были офицером-квартирьером. Я помню, – шепотом сказала Молли.

– Как, разве ты знала об этом? – Джайлс пристально посмотрел на нее.

– У вас еще был большой дом на пустыре, да?

– Реквизированный, – пренебрежительно бросила миссис Бойл. – И совсем разрушенный. Разоренный. Чудовищно разоренный.

Мистер Паравицини начал тихонько смеяться. Он закинул голову назад и смеялся, смеялся не переставая.

– Вы должны меня простить, – задыхаясь проговорил он. – Но, право, все это так забавно. Я получаю истинное удовольствие..., да, огромное удовольствие.

В комнату вошел сержант Троттер.

– Весьма рад, что это дело так всех веселит, – язвительно сказал он, с неодобрением глядя на мистера Паравицини.

– Прошу прощения, мой любезный инспектор. Право, прошу прощения. Я свел на нет эффект вашего

патетического предупреждения.

Сержант Троттер пожал плечами.

– Я сделал все, чтобы вы поняли, в каком положении вы все находитесь, – сказал он. – И я не инспектор. Я только сержант. Мне необходимо позвонить, миссис Дэвис.

– Я уронил себя в ваших глазах, – сказал мистер Паравицини. – Уползаю в свою нору.

Вопреки сказанному, он удалился упругой юношеской поступью, на которую Молли уже раньше обратила внимание.

– Темная лошадка, – сказал Джайлс.

– Подозрительный субъект, – сказал Троттер. – Не стоит ему доверять.

– Ох, – сказала Молли. – Вы подозреваете его..., но ведь он слишком стар... А может быть, вовсе и не стар... Он загримирован, и довольно основательно. И походка у него юношеская. Может быть, он гримируется под старика. Сержант Троттер, вы думаете...

Сержант решительно ее перебил:

– Бесплодные умствования ни к чему нас не приведут. Я должен обо всем доложить старшему инспектору Хогбену.

И он направился к телефону.

– Как же вы позвоните? – сказала Молли. – Ведь телефон не работает.

– Как? – обернулся к ней Троттер.

Его голос звучал так тревожно, – что все удивились.

– Молчит? Давно?

– Как раз перед вашим приходом майор Меткалф хотел позвонить, но...

– Однако до этого телефон работал. Ведь старший инспектор Хогбен вам дозвонился?

– Да. Наверное, связь прекратилась с десяти часов. Думаю, из-за снегопада.

У Троттера был очень озабоченный вид.

– А что, если, – сказал он, – что, если линия повреждена специально...

– Вы думаете? – Молли смотрела на него широко раскрытыми глазами.

– Пойду проверю.

Сержант торопливо вышел из комнаты. Джайлс подумал и тоже вышел вслед за ним.

– Боже правый! – всполошилась Молли. – Скоро ленч, мне надо успеть.., не то мы останемся без еды.

И она бросилась вон.

– Безответственная девчонка! – проворчала миссис Бойл. – Ну и местечко! Ни за что не стану платить им по семь гиней.

Сержант Троттер, нагнувшись, проверял телефонный провод.

– Куда еще подведен провод? – спросил он у

Джайлса.

– Наверх, в нашу спальню. Я могу подняться и проверить.

– Будьте добры.

Троттер открыл окно, высунулся наружу и стряхнул снег с подоконника, Джайлс поспешно пошел наверх.

Мистер Паравицини был в большой гостиной. Он подошел к роялю и открыл его. Сидя на вертящемся стуле, он принялся одним пальцем тихонько подбирать мелодию.

Три слепых мышонка
Бегали сторонкой...

Кристофер Рен был у себя в спальне. Нервно по-свистывая, он ходил по комнате. Вдруг остановился, нерешительно свистнул два-три раза и совсем умолк. Сел на край кровати, закрыл лицо руками и зарыдал.

– Не могу больше, – тихо, по-детски жалобно всхлипнул он.

Внезапно настроение у него изменилось. Он встал, расправил плечи.

– Нет, я должен, – сказал он, – должен все это выдержать.

Джайлс стоял у телефонного аппарата у себя в спальне. Он наклонился, разглядывая провод, идущий

щий вдоль плинтуса. Увидел перчатку Молли. Подобрал ее. Из нее выпал розовый автобусный билет. Джайлс смотрел, как он кружась опускается на пол. Лицо его изменилось. Казалось, это уже не он, а кто-то другой медленно, как во сне, идет к двери, открывает ее, на мгновенье замирает на пороге, глядя в коридор, ведущий к лестнице.

Молли почистила картошку, бросила ее в горшок, поставила его на огонь. Потом заглянула в духовку. Все, что надо, было сделано.

На кухонном столе лежала позавчерашняя «Ивнинг стандарт». Молли хмурилась, глядя на нее. Если бы только она могла вспомнить...

Вдруг она закрыла глаза руками.

– Ох, нет, – сказала она. – Нет! Нет!

Медленно отняла от глаз руки. Оглядела кухню, точно видела ее в первый раз. Тепло, удобно, просторно, вкусно пахнет едой.

– Ох, нет, – снова едва слышно проговорила она.

Медленно, как лунатик, она двинулась к двери, выходящей в холл. Отворила ее. В доме было совсем тихо, только откуда-то доносилось негромкое посвистывание.

Эта мелодия...

Молли вздрогнула и попятилась. Помедлила минуту-другую, окинула взглядом кухню, где все было так

хорошо ей знакомо. Да, все в порядке, все идет своим чередом. Молли снова подошла к двери.

Майор Меткалф тихо спустился по черной лестнице. Немного постоял в холле, потом открыл чулан под лестницей, заглянул туда. Все спокойно. Никого поблизости нет. Самое время сделать то, что он задумал...

Миссис Бойл, сидя в библиотеке у радиоприемника, раздраженно крутила ручку настройки.

Вначале она поймала передачу, где рассказывалось о детской поэзии, об истории ее развития и о ее значении. Миссис Бойл меньше всего на свете желала слушать об этом. Что угодно, только не это, подумала она, нетерпеливо крутя ручку приемника. «Психология страха легко объяснима. – сообщил ей приятный, интеллигентный голос. – Скажем, вы одни в комнате. Вдруг у вас за спиной бесшумно отворяется дверь...»

Дверь и впрямь отворилась.

Миссис Бойл, вздрогнув от страха, резко обернулась.

– А-а, это вы, – сказала она с облегчением. – До чего же дурацкие передачи! Не нашла ничего, что стоило бы послушать!

– Стоит ли слушать радио, миссис Бойл.

Миссис Бойл фыркнула.

– А что мне еще делать? Заперли в доме бок о бок с убийцей... Правда, я ничуть не верю в эту мелодраматическую чушь...

– Значит, не верите, миссис Бойл?

– Как.., что это?..

Пояс от плаща мгновенно обвился вокруг ее шеи, и она даже не успела ничего понять. Рука убийцы потянулась к приемнику, повернула регулятор громкости. Комнату наполнил голос диктора, излагающего научную теорию формирования психологии страха, и заглушил предсмертный хрип миссис Бойл.

Впрочем, она почти и не хрипела.

Убийство было совершено опытной рукой.

Все сбились в кухне. На плите в котелке с картошкой весело булькала вода. Из духовки явственной доносился аромат жаркого и пирога с почками.

Четверо мужчин потрясение смотрели друг на друга, Молли, бледная и дрожащая, отхлебывала из стакана сержант Троттер заставил ее выпить немного виски.

Сам сержант с решительным и гневным видом смотрел на собравшихся. С тех пор, когда, услышав исполненный ужаса крик Молли, они бросились в библиотеку, прошло всего пять минут.

– Ее убили как раз перед вашим приходом, миссис Дэвис, – сказал сержант. – Вы уверены, что никого не видели и ничего не слышали, когда выходили в холл?

– Насвистывание, – слабым голосом отвечала она. – Но это раньше. Кажется.., нет, не уверена.., кажется, слышала, как где-то закрылась дверь.., тихо так закрылась.., как раз когда я.., я входила в библиотеку.

– Которая дверь?

– Не знаю.

– Подумайте, миссис Дэвис.., соберитесь с силами и подумайте, какая дверь – наверху, снизу, справа, слева?

– Не знаю, говорю вам, – повысила голос Молли. – И вообще не уверена, слышала ли я что-нибудь.

– Может, хватит ее запугивать? – раздраженно сказал Джайлс. – Неужели не видите, она же сама не своя.

– Я расследую убийство, мистер Дэвис... Прошу прощения, командер¹⁴ Дэвис.

– Не хочу пользоваться своим воинским званием, сержант.

– О, понимаю, сэр. – Троттер помолчал с таким ви-

---

¹⁴ *Коммандер* – воинское звание в категории старших офицеров военно-морских сил, соответствующее подполковнику сухопутных войск; капитан третьего ранга.

дом, будто только что сделал какое-то тонкое умозаключение. – Как я уже сказал, я расследую убийство. До сих пор никто из вас не принимал этого всерьез. Вот и миссис Бойл тоже. Она что-то утаила от меня. Вы все что-то от меня утаиваете. Теперь миссис Бойл мертва. Если мы немедленно не доберемся до сути, учтите, возможно, еще кого-нибудь убьют.

– Еще кого-нибудь? Ерунда! Почему вы так думаете?

– Потому, – мрачно сказал сержант Троттер, – потому, что было три слепых мышонка, три!

– И каждого ждет смерть? – недоверчиво сказал Джайлс. – Но в таком случае должен быть кто-то еще, кто связан с этим делом.

– Да, должно быть, так.

– Но почему он должен быть здесь, у нас?

– Потому что в записной книжке всего два адреса. На Калвер-стрит, семьдесят четыре, была всего одна потенциальная жертва. И она умерла. А в «Поместье Манксвелл» кандидатов в покойники значительно больше.

– Чепуха, Тротгер. Двое замешанных в деле Греггов, и оба случайно оказываются здесь? Невероятное совпадение.

– Не такое уж невероятное, если учесть некоторые обстоятельства. Обдумайте это, мистер Дэвис. Я

знаю, где находился каждый из вас, когда была убита миссис Бойл, – обратился сержант ко всем присутствующим. – Хочу проверить ваши сведения. Итак, мистер Рен, вы были в своей комнате, когда услышали крик миссис Дэвис, так?

– Да, сержант.

– Мистер Дэвис, вы были наверху, у себя в спальне, проверяли телефонный провод?

– Да, – сказал Джайлс.

– Мистер Паравицини был в гостиной, играл на рояле. Кстати, почему никто вас не слышал?

– Я играл очень-очень тихо, сержант, одним пальцем.

– Какую мелодию вы подбирали?

– «Три слепых мышонка», сержант. – Он улыбнулся. – Ту же, которую насвистывал наверху мистер Рен. Мелодию, которая у всех у нас сидит в голове.

– Противная мелодия, – сказала Молли.

– А что с телефонным проводом? – спросил Меткалф. – Оборван намеренно?

– Да, майор Меткалф. Вырезан кусок как раз под окном гостиной. Я обнаружил это место в ту минуту, когда миссис Дэвис закричала.

– Какая глупость. Он что же, рассчитывает выйти сухим из воды? – спросил Кристофер своим визгливым голосом.

Сержант смерил его оценивающим взглядом.

– Вероятно, его это не слишком тревожит, – сказал он. – Опять же, он, видимо, уверен, что умнее всех нас. С убийцами так бывает. Понимаете, нам читали курс психологии. Психология шизофреников весьма любопытна.

– Не слишком ли много слов? – сказал Джайлс.

– Вы правы, мистер Дэвис. В данный момент нас должны занимать всего два коротких слова. Одно из них – убийство, другое – опасность. Вот на чем нам надо сосредоточиться. А теперь, майор Меткалф, позвольте подробнее узнать, где были вы в момент убийства. Вы говорите, что в подвале. Что вы там делали?

– Осматривался, – сказал майор. – Заглянул в чулан под лестницей, смотрю – там дверь, открыл ее – вижу лестница, ну я и спустился по ней. Отличный у вас подвал, – обратился он к Джайлсу. – Я бы даже сказал склеп, как в старинном монастыре.

– Сейчас нас не интересуют старинные монастыри, майор Меткалф. Мы расследуем убийство. Миссис Дэвис, прислушайтесь, пожалуйста. Дверь кухни я оставляю открытой.

Он вышел. Где-то с легким скрипом захлопнулась дверь.

– Вы слышали этот звук, миссис Дэвис? – спросил сержант, появляясь на пороге кухни.

– Я.., да, звук похожий.

– Я затворил дверь чулана под лестницей. Возможно, задушив миссис Бойл, убийца выскочил в холл, услышал, как вы выходите из кухни, нырнул в чулан и закрыл за собой дверь.

– В таком случае в чулане должны быть отпечатки его пальцев, – воскликнул Кристофер.

– И моих тоже, – добавил майор Меткалф.

– Совершенно верно, – сказал сержант Тропер. – Но у вас ведь есть убедительное объяснение, правда? – вкрадчиво добавил он.

– Послушайте, сержант, – сказал Джайлс, – вы, положим, отвечаете за это дело. Однако это мой дом, и я тоже чувствую определенную ответственность за людей, живущих в нем. Может быть, нам следует принять предупредительные меры?

– И какие именно, мистер Дэвис?

– Честно говоря, по-моему, надо взять под стражу того, кто больше всех вызывает подозрение.

И он в упор посмотрел на Кристофера Рена. Мистер Рен выскочил вперед и истерически закричал своим высоким срывающимся голосом:

– Не правда! Не правда! Вы против меня. Как всегда, все против меня. Вы хотите обвинить меня! Ложно обвинить! Вы преследуете.., преследуете...

– Держите себя в руках, молодой человек, – помор-

щился майор Меткалф.

– Успокойтесь, Крис. – Молли подошла к нему, коснулась его руки. – Мы вовсе не против вас. Да скажите же ему, – обратилась она к сержанту Троттеру.

– Мы никому не собираемся предъявлять ложных обвинений, – сказал сержант.

– Скажите же ему, что не хотите его арестовывать.

– Я никого не хочу арестовывать. Для этого нужны улики. А пока их нет.

– Ты, видно, сошла с ума, Молли, – крикнул Джайлс. – И вы тоже, сержант. Он единственный подходит на роль...

– Постой, Джайлс, погоди, – перебила его Молли. – Успокойся. Сержант Троттер, могу я.., могу я с вами поговорить?

– Я тоже останусь, – сказал Джайлс.

– Нет, Джайлс, выйди, пожалуйста.

Лицо у Джайлса стало мрачнее тучи.

– Что на тебя нашло, Молли? Не понимаю, – сказал он. Вслед за остальными он вышел из комнаты и хлопнул дверью.

– В чем дело, миссис Дэвис?

– Сержант Троттер, вы рассказали нам о деле Греггов, и, судя по всему, вы подозреваете старшего мальчика. Но вы ведь в этом не уверены?

– Нет, миссис Дэвис. Однако в пользу этой вер-

сии говорит то, что он психологически неуравновешен, что он дезертир, и, наконец, свидетельство армейского психиатра.

– О, понимаю, все указывает на Кристофера. Но я не верю, что он убийца. Надо искать другие версии. Нет ли у детей родственников, родителей, например?

– Нет. Мать умерла. Отец служил за границей.

– Что о нем известно? Где он сейчас?

– У нас о нем нет сведений. В прошлом году он был демобилизован.

– Если сын психически неуравновешен, то отец, возможно, тоже.

– Возможно.

– Стало быть, убийцей может быть человек средних лет или старше. Вспомните, что майор Меткалф страшно взволновался, когда узнал, что звонили из полиции. В самом деле, он был сам не свой.

– Поверьте, миссис Дэвис, – негромко заговорил сержант Троттер, – я с самого начала об этом думал. Мальчик – Джим.., отец.., даже сестра. Убийцей может быть и женщина, понимаете. Я ничего не упускаю из виду. Лично я, возможно, в чем-то уверен, но доказательств у меня пока нет. Очень трудно узнать наверняка о чем-то или о ком-то, особенно в наше время. С чем мы сталкиваемся в полиции! Вы и представить не можете. Возьмем, например, нынешние браки. Та-

кие скоропалительные, браки военного времени. Ничего друг о друге не знают. Не знакомы ни с семьей, ни с родственниками. Верят друг другу на слово. Парень, к примеру, говорит, что он летчик, офицер, девушка ему верит всей душой. А потом через год – через два она узнает, что он дезертир, например, или банковский клерк, который скрывается от суда, что он женат и что у него семья.

Сержант помолчал.

– Знаю, о чем вы сейчас думаете, миссис Дэвис. Хочу вам сказать только одно. Убийца сейчас радуется. В чем – в чем, а в этом я уверен.

Он направился к двери.

Молли стояла не шелохнувшись, очень прямо, теки у нее пылали. Немного погодя она медленно подошла к плите, опустилась на колени, открыла духовку. Запах еды, такой знакомый запах. Молли почувствовала облегчение. Она будто сразу перенеслась в близкий, привычный мир. Стряпня, работа по дому, хозяйство, проза повседневности.

С незапамятных времен женщина готовит пищу для мужчины, для мужа. Мир жестокости, мир безумия отступил от нее. Здесь, в своей кухне, она в безопасности, таков извечный закон жизни.

Дверь отворилась. Молли оглянулась и увидела Кристофера Рена.

– Голубушка, – слегка задыхаясь, проговорил он, там такой шум! Кто-то украл у сержанта лыжи!

– Лыжи? Зачем? Кому они понадобились?

– Не могу себе представить. По-моему, если бы сержант решил нас покинуть, убийца был бы только доволен. По-моему, это нелепость, а?

– Джайлс поставил их в чулане под лестницей.

– Ну вот, а теперь их там нет. Любопытно, правда? – Он радостно засмеялся. – Сержант вне себя от гнева. Рычит, как зверь. Набросился на бедного майора Меткалфа. Старина Меткалф твердит, что не помнит, стояли лыжи в чулане или нет. А Троттер говорит, что он не мог не заметить. Если хотите знать мое мнение, – Кристофер понизил голос и подался вперед, – это дело уже повергает Троттера в отчаяние.

– Оно всех нас повергает в отчаяние, – сказала Молли.

– А меня – нет. Меня оно возбуждает. Совершенно фантастическое дело! Просто восхитительно!

– Вы бы не стали так говорить, – резко сказала Молли, – если бы это вам выпало ее обнаружить. Миссис Бойл, я хочу сказать. Я все время об этом думаю.., не могу забыть. Ее лицо.., все раздутое, багровое...

Она передернулась. Кристофер подошел к ней. Положил руку ей на плечо.

– Понимаю. Я просто болван. Простите. Я не поду-

мал.

В горле у нее стоял ком, сухие без слез рыдания сотрясали ее.

– Вот только что.., было.., так спокойно.., запахи еды.., кухня, – с трудом бессвязно проговорила она, – и вдруг опять этот.., этот кошмар.

Кристофер Рен стоял, глядя на ее склоненную голову. На лице его появилось какое-то странное выражение.

– Понимаю, – сказал он, направляясь к двери, – понимаю. Мне лучше исчезнуть.., не мешать вам.

– Не уходите! – выкрикнула Молли, когда он взялся за дверную ручку.

Он обернулся и вопросительно посмотрел на нее. Потом медленно подошел к ней.

– Вы правда не хотите?

– Не хочу чего?

– Правда не хотите, чтобы я.., ушел?

– Да, я же сказала. Не хочу оставаться одна. Боюсь.

Кристофер сел у стола. Молли наклонилась к духовке, переставила пирог повыше, закрыла дверцу и села рядом с Кристофером.

– Любопытно, – сказал он, понизив голос.

– Что именно?

– Что вы не боитесь оставаться наедине со мной.

Ведь не боитесь, правда?

Она покачала головой.

– Не боюсь.

– Почему, Молли?

– Не знаю. Не боюсь, и все.

– А ведь я единственный из всех..., подхожу на роль убийцы. Как нарочно...

– Ничего подобного. Есть и другие версии. Я говорила об этом сержанту Троттеру.

– И он с вами согласился?

– Во всяком случае, не противоречил, – в раздумье сказала Молли.

Ей снова и снова вспоминались слова Троттера. Особенно последняя фраза: «Я точно знаю, о чем вы сейчас думаете, миссис Дэвис». Знает ли? Неужели знает? И еще он сказал, что убийца сейчас радуется. Неужели и вправду радуется?

– У вас ведь сейчас не радостное настроение, правда? Несмотря на то, что вы мне только что говорили.

– Боже мой, конечно нет, – вытаращил глаза Кристофер. – Что за странная мысль!

– Не я ее высказала, а сержант Троттер. Ненавижу его! Он..., он старается внушить мне какие-то сомнения..., заставил подозревать..., то, чего никогда быть не может.

Она поднесла руки к лицу, закрыла ими глаза. Кристофер мягко отвел ее руки.

– Послушайте, Молли, – сказал он. – В чем дело?

Она позволила ему усадить ее на стул у стола. В его манерах не было больше ничего ни истерического, ни мальчишеского.

– В чем дело, Молли?

Она посмотрела на него долгим внимательным взглядом.

– Сколько времени мы знакомы, Кристофер? – ни с того ни с сего спросила она. – Два дня?

– Вроде. А вам кажется, что мы знакомы целую вечность, правда?

– Да. Странно, вы не находите?

– О, не знаю. Мы с вами чувствуем друг к другу какую-то симпатию. И оба сопротивляемся этому чувству, разве не так?

В тоне, каким это было сказано, звучал скорее не вопрос, а утверждение. И Молли оставила его слова без ответа.

– Ваше настоящее имя не Кристофер Рен, правда? – тихо сказала она и тоже не вопросительно, а твердо.

– Да.

– А почему вы...

– Почему я назвался этим именем? О, это просто причуда, шутка. В школе надо мной всегда смеялись,

дразнили Кристофером Робин¹⁵. Робин – Рен – просто звучит похоже, наверное.

– А ваше настоящее имя?

– Не стоит об этом... – Голос его звучал едва слышно. – Разве для вас это что-то значит? Я не архитектор. На самом деле я дезертир.

Во взгляде Молли мелькнула тревога. Кристофер это заметил.

– Да. Такой же дезертир, как наш таинственный убийца. Я ведь говорил вам, что я единственный, кто по всем статьям подходит на эту роль.

– Не валяйте дурака, – сказала Молли. – Я не верю, что вы убийца, слышите? Расскажите о себе. Почему вы дезертировали? Нервы сдали?

– Испугался, вы думаете? Нет, удивительно, на я не боялся, вернее, если и боялся, то не больше, чем другие. В самом деле. Обо мне говорили, что я в бою не теряю хладнокровия. Нет, тут не страх, тут совсем другое. Все дело в моей матери.

– В матери?

– Да, понимаете, она погибла во время налета. Погребена под обломками. Они..., ее пришлось откапы-

---

¹⁵ *Кристофер Робин* – персонаж сказки «Винни Пух и все остальные» (1926) шотландского писателя и драматурга Алана А. Милна (1882—1956); связь между именами Робин и Рен основана на том, что в английском языке оба эти слова являются, кроме того, названиями птиц: Робин – малиновка, Рен – крапивник.

вать. Не понимаю, что со мной случилось, когда я об этом узнал. Наверное, отчасти лишился рассудка. Мне все время казалось, что это произошло со мной. Чувствовал, что должен немедленно вернуться домой и..., откопать себя..., не могу вам объяснить..., все перепуталось.

Он опустил голову, закрыл лицо руками и глухо заговорил:

– Я долго скитался, искал ее..., или себя..., не знаю. Потом, когда рассудок ко мне вернулся, я почувствовал, что боюсь, не могу ни вернуться в армию, ни предстать перед властями. Разве им что-нибудь объяснишь? И вот с тех пор я – ничто.

Его мальчишеское лицо осунулось, он в безнадежной тоске смотрел на Молли.

– Не стоит отчаиваться, – ласково сказала она. – Надо начать все сначала.

– Разве это возможно?

– Конечно, вы еще так молоды.

– Да, но, понимаете..., я дошел до предела.

– Нет. На самом деле нет. Вам только так кажется. По-моему, каждый хоть раз в своей жизни испытал такое чувство – что все кончено, что больше жить невозможно.

– И вы тоже это испытали, да, Молли? Конечно, испытали, иначе не смогли бы так говорить со мной.

– Да.

– Что случилось с вами?

– То же, что и со многими. Я была помолвлена с молодым человеком, летчиком. Он погиб на войне.

– И еще что-то было, да?

– Да. Еще раньше, когда я была совсем юной, мне пришлось пережить тяжелое потрясение. Я столкнулась с жизнью во всей ее грубости и жестокости. И я уже не ждала ничего, кроме подлости и предательства. Когда погиб Джек, я окончательно в этом утвердилась.

– Понимаю. А потом, наверное, появился Джайлс, – сказал Кристофер, пристально глядя на нее.

– Да. – Губы ее тронула улыбка, нежная, немного застенчивая. – Появился Джайлс, а с ним чувство покоя, и безопасности, и счастье... Джайлс!

Улыбка вдруг исчезла с ее губ. Лицо стало страдальческим. Она поежилась, будто ее пробрал озноб.

– Что с вами, Молли? Что вас пугает? Вы ведь чего-то боитесь, правда?

Она кивнула.

– Это связано с Джайлсом? Он что-то сказал? Или сделал?

– Нет, не с Джайлсом. С этим отвратительным типом!

– С каким типом? – удивился Кристофер. – С Пара-

вицини?

– Да нет же. С сержантом Троттером.

– С сержантом Троттером?

– Ну да. Это все он со своими гнусными намеками.

Старается внушить мне, что Джайлс... Нет, не могу в это поверить. Ох, как я его ненавижу. Ненавижу!

У Кристофера брови поползли вверх.

– Джайлс? Джайлс! Ну да, конечно, мы же с ним одного возраста. Мне казалось, что он намного старше меня, но на самом деле ему, наверное, столько же лет, сколько и мне. Да, Джайлс тоже подходит. Но, послушайте, Молли, это же вздор. В тот день, когда в Лондоне была убита эта женщина, Джайлс оставался здесь, с вами.

Молли молчала.

Кристофер зорко взглянул на нее.

– Что, его здесь не было?

– Не было. Весь день не было... Он на автомобиле... Он ездил, – бессвязно заговорила она. – Там продается проволочная сетка.., так он мне сказал.., я и сама так думала.., пока.., пока...

– Что?

Молли медленно протянула руку и указала на газету, расстеленную на кухонном столе.

– Позавчерашняя «Ивнинг стандарт», лондонский выпуск, – сказал Кристофер.

– Она была в кармане у Джайлса, когда он вернулся в тот день. Значит, он.., он.., был в Лондоне.

Кристофер во все глаза глядел то на газету, то на Молли. Потом сложил губы трубочкой и принялся на-свистывать. Внезапно он резко оборвал свист. Не сто-ило сейчас вспоминать этот мотив.

– Много ли вам, в самом деле, известно о Джайл-се? – начал он, осторожно выбирая слова и стара-тельно избегая взгляда Молли.

– Не надо! – крикнула она. – Не надо! Как раз на это и намекал Троттер. Его слушаешь, так все женщи-ны ничего не знают о тех, за кого выходят замуж, осо-бенно во время войны. Они, мол, полагаются только на то, что км рассказывают о себе будущие мужья.

– Думаю, отчасти это действительно так.

– Хоть вы-то не говорите мне этого! Я просто не вы-несу. А все потому, что мы все в таком состоянии – на грани срыва. Готовы поверить чему угодно, любой глупости... Нет, это ложь! Я...

Она не успела окончить, как дверь отворилась. Во-шел Джайлс. Вид у него был мрачный.

– Я помешал? – сказал он. Кристофер выскользнул из-за стола.

– Вот брал уроки кулинарии, – пробормотал он.

– Неужели? Послушайте-ка, Рен, сейчас лучше ни с

кем не оставаться tete-a-tete¹⁶. Держитесь-ка подальше от кухни. Понятно?

– О, ну конечно...

– И от моей жены. Не хочу, чтобы она стала третьей жертвой.

– Я и сам этим озабочен, – сказал Кристофер. Если в этих словах и был скрытый смысл, Джайлс этого явно не заметил. Он только еще больше потемнел лицом.

– Не ваша это забота, – процедил он. – Я сам беспокоюсь о своей жене. Убирайтесь отсюда, черт вас побери!

– Правда, пожалуйста, уйдите, Кристофер, – звенящим голосом сказала Молли.

Кристофер медленно направился к двери.

– Я буду поблизости, – многозначительно сказал он, обернувшись к Молли.

– Уберетесь вы отсюда, наконец?!

Кристофер визгливо, по-детски хихикнул.

– Слушаюсь, командер, – сказал он. Когда дверь за ним закрылась, Джайлс повернулся к Молли:

– Ради Бога, Молли, у тебя есть хоть капля здравого смысла? Сидишь здесь вдвоем с этим маньяком, с убийцей! Ведь он опасен!

– Он не у.., он не опасен, – поправились она на хо-

---

¹⁶ Наедине (фр.)

ду. – Кроме того, я настороже. Сама могу о себе позаботиться.

– Кажется, миссис Бойл тоже могла, – неприятно засмеялся он.

– О Джайлс, не надо!

– Прости, дорогая. Я не в себе. Этот гнусный мальчишка, что ты в нем нашла, не представляю.

– Мне его жаль, – задумчиво сказала Молли.

– Жаль убийцу? Маньяка?

Молли загадочно взглянула на него.

– Да, я способна пожалеть убийцу-маньяка, – сказала она.

– Называешь его Кристофером... С каких это пор вы накоротке?

– Оставь, Джайлс. Это просто смешно. Сейчас все называют друг друга по имени. Ты же знаешь.

– Это после двух дней знакомства? А может, вы знакомы вовсе и не два дня? Может, ты была знакома с мистером Кристофером, дутым архитектором, еще до того, как он сюда приехал? Может, ты сама предложила ему приехать? Может, вы вдвоем все это состряпали?

Молли смотрела на него широко открытыми глазами.

– Джайлс, в своем ли ты уме? О чем ты говоришь?

– О том, что Кристофер Рен твой старый друг и вы

с ним в гораздо более близких отношениях, которые ты предпочла от меня скрыть.

– Джайлс, ты, наверное, с ума сошел!

– Ну да, сейчас ты будешь уверять, что никогда его прежде не видела! Чего ради его занесло сюда, в такую глушь? Довольно странно, ты не находишь?

– А почему сюда занесло майора Меткалфа и.., и миссис Бойл? Это Тебя не удивляет?

– Нет, нисколько. Говорят, эти убийцы-маньяки чем-то привлекают к себе женщин. Я и сам об этом читал. Похоже, это правда. Откуда ты его знаешь? И давно ли?

– Это же нелепо, Джайлс! Я никогда прежде не видела Кристофера Рена.

– ...И не ездила позавчера в Лондон, и не встречалась с Ним, и вы не договорились делать вид, что незнакомы?

– Ты прекрасно знаешь, Джайлс, что я уже сто лет не была в Лондоне.

– Разве? Любопытно!

Он выудил из кармана скомканную перчатку.

– Ты ведь надевала эти перчатки позавчера? В тот день, когда я ездил в Сайлем за сеткой?

– Да. В тот день, когда ты ездил в Сайлем за сеткой, – сказала Молли, спокойно глядя ему в глаза, – я надевала эти перчатки.

– Ты ходила в деревню, по твоим словам. Но в таком случае, откуда в твоей перчатке это?

С видом обвинителя, предъявляющего улику, Джайлс протянул Молли розовый автобусный билет.

Наступило молчание.

– Ты ездила в Лондон, – сказал Джайлс.

– Да. – Молли вздернула подбородок. – Я ездила в Лондон.

– Чтобы встретиться с Кристофером Реном.

– Нет, не для того, чтобы встретиться с Кристофером.

– Тогда для чего?

– Я не собираюсь тебе этого говорить, Джайлс.

– Хочешь выиграть время, чтобы сочинить что-нибудь!

– Кажется, я начинаю ненавидеть тебя!

– А я нет.., пока, – с ударением сказал Джайлс. – Но еще немного и... Я чувствую, что.., я не узнаю тебя... Я ничего о тебе не знаю.

– Я тоже. Ты.., ты чужой. И ты мне лжешь...

– Разве я когда-нибудь тебе лгал?

Молли засмеялась.

– Думаешь, я поверила твоим басням про сетку? Ты тоже был в Лондоне в тот день.

– Значит, ты меня там видела, – сказал Джайлс. – Выходит, ты мне настолько не доверяла, что...

– Доверять тебе? Да я теперь никому не смогу доверять.., как прежде.

Они не заметили, как тихонько отворилась дверь. Мистер Паравицини кашлянул.

– Так неловко, – пробормотал он. – Надеюсь, молодые люди, вы не говорите ничего такого, что не предназначено для чужих ушей. Ох уж эти влюбленные, они то и дело ссорятся.

– Влюбленные! – с горечью сказал Джайлс. – Как бы не так.

– О да! Да! – сказал мистер Паравицини. – Мне понятны ваши чувства. Я сам все это испытал в молодости. Однако я пришел сказать, что инспектор настоятельно просит нас собраться в гостиной. Кажется, у него есть кое-какие соображения. – Мистер Паравицини негромко хихикнул. – Полиция располагает уликами – да, об этом часто слышишь. Но чтобы полиция располагала соображениями? Очень сомневаюсь. Наш сержант Троттер, безусловно, честный и усердный малый, однако не думаю, что он ума палата.

– Иди, Джайлс, – сказала Молли. – Мне надо присмотреть за кушаньем. Сержант Троттер обойдется без меня.

– Ах, поговорим о кулинарии, – сказал мистер Паравицини, подсакивая к Молли, – вы когда-нибудь пробовали подавать куриный паштет на тостах с гуси-

ной печенкой и тонким ломтиком бекона, смазанным французской горчицей?

– Где теперь сыщешь гусиную печенку, – сказал Джайлс. – Идемте же, мистер Паравицини.

– Может быть, я останусь и помогу нашей дорогой хозяйке?

– Вы пойдете в гостиную, Паравицини, – сказал Джайлс.

Мистер Паравицини тихо засмеялся.

– Ваш муж боится за вас. Естественно. Он и мысли не допускает оставить вас наедине со мной. Его пугает не то, что у меня могут оказаться бесчестные намерения, его пугают мои садистские наклонности. Подчиняюсь силе. – Он отвесил Молли изящный поклон и поцеловал кончики своих пальцев.

– О мистер Паравицини, я уверена... – смущенно сказала Молли.

Мистер Паравицини тряхнул головой.

– Вы весьма благоразумны, молодой человек. Не стоит рисковать. Есть ли у меня возможность доказать вам или инспектору, что я не убийца? Нет. И вообще, отсутствие чего-либо всегда трудно доказать.

Он замурлыкал что-то веселенькое.

Молли вздрогнула.

– Мистер Паравицини, пожалуйста, только не это, не этот ужасный мотив.

– «Три слепых мышонка» – ах, ну да, ну да! Этот мотив засел у меня в голове. А стишки-то ужасные, если вдуматься. Бывают очень миленькие детские стихи. Но детям нравятся именно такие, садистские. Вы замечали? Эти стишки типично английские – *буколические*¹⁷ и вместе с тем жестокие. «Взмахнула раз, взмахнула два, отрубила хвостики мышам она». Конечно, детям это нравится... Я мог бы вам рассказать о детях...

– Пожалуйста, не надо, – сказала Молли слабым голосом. – Сами вы садист. – В голосе у нее послышались истерические нотки. – Смеетесь, хохочете.., вы как кот, который играет с мышью.., играет...

Она вдруг начала смеяться.

– Успокойся, Молли, – сказал Джайлс. – Идемте же все вместе в гостиную. Троттер нас ждет. Бог с ней, с едой. Не забывайте, что речь идет об убийстве. Это важнее.

– Не уверен, что могу согласиться с вами, – сказал мистер Паравицини, идя за ними своей странной прыгающей походкой. – Известно, что перед казнью осужденному дают плотный завтрак.

В холле к ним присоединился Кристофер Рен. Джайлс хмуро на него посмотрел, но ничего не ска-

---

¹⁷ *Буколический* – изображающий деревенскую, пастушескую жизнь и воспевающий ее прелести.

зал. Кристофер бросил на Молли тревожный взгляд. Она шла, высоко подняв голову и глядя прямо перед собой. Процессия двигалась по направлению к гостиной. Шествие замыкал мистер Паравицини, забавно подпрыгивающий на каждом шагу.

Сержант Троттер и майор Меткалф уже ожидали их. Майор казался мрачным. Сержант Троттер был румян и энергичен.

– Ну вот, – сказал он, когда все вошли. – Я хотел, чтобы вы все здесь собрались. Я намерен произвести опыт и прошу, чтобы вы мне помогли.

– Сколько времени это займет? – спросила Молли. – У меня есть дела на кухне. В конце концов, должны же мы хоть иногда есть.

– Да, – сказал Троттер, – понимаю, миссис Дэвис. Но, извините меня, существуют вещи и поважнее, чем еда! Миссис Бойл, например, уже не нуждается в пище.

– Послушайте, сержант, – возразил майор Меткалф, чрезвычайно бестактно, по-моему, ставить вопрос таким образом.

– Извините, майор Меткалф, но я хочу, чтобы все оставались здесь.

– Вы нашли свои лыжи, сержант Троттер? – спросила Молли.

Сержант покраснел.

– Нет, не нашел, миссис Дэвис. Однако могу сказать, что догадываюсь, кто их взял. И для чего он их взял. Пока больше ничего не скажу.

– Да уж, пожалуйста, не надо, – взмолился мистер Паравицини. – Я всегда считал, что объяснения надо приберегать к самому концу, к последней, самой захватывающей сцене, так сказать.

– Это вам не игра, сэр.

– Разве? Вот тут, мне кажется, вы ошибаетесь. По моему, для кого-то как раз игра.

– Убийца сейчас радуется, – тихо проговорила Молли.

Все удивленно посмотрели на нее. Она вспыхнула.

– Так сказал сержант Троттер.

Сержанту Троттеру ее слова удовольствия явно не доставили.

– Не зря вы, мистер Паравицини, намекнули на захватывающую трагедию, – сказал Троттер. – На самом деле именно это здесь и происходит с нами.

– К счастью, пока еще не со мной, – хихикнул Кристофер Рен, осторожно трогая себе шею.

– Довольно. Уймитесь, молодой человек, – оборвал его майор Меткалф. – Пусть сержант скажет, что мы должны делать.

Сержант откашлялся.

– У меня имеются ваши показания, – начал офици-

альным тоном, – о том, где каждый из вас находился во время убийства миссис Бойл. Мистер Рен и мистер Дэвис были в своих спальнях, миссис Дэвис – в кухне, майор Меткалф – в подвале, а мистер Паравицини здесь, в гостиной.

Троттер помолчал.

– Это показания, – продолжал он, – полученные от вас. У меня нет возможности их проверить. Они могут быть правдивыми, а могут и нет. Или, говоря более определенно, четверо из вас говорят правду, а один лжет. Кто же?

Сержант Троттер обвел присутствующих вопросительным взглядом. Все молчали.

– Четверо из вас говорят правду, а один лжет, – повторил он. – У меня есть план, который поможет мне установить, кто из вас лжет. Если мне это удастся, тогда я буду знать имя убийцы.

– Вообще не обязательно, – быстро сказал Джайлс. – Кто-то мог сказать не правду по совсем иным соображениям.

– Сомневаюсь, мистер Дэвис.

– Что же это за план, дружище? Вы же только что сказали, что у вас нет возможности проверить показания.

– Да, но я хочу предложить каждому из вас воспроизвести то, что он делал в момент убийства.

– А-а, воссоздание картины преступления, – пренебрежительно заметил майор Меткалф. – Заграничные штучки.

– Не воссоздание картины преступления, майор Меткалф, а, скорее, воспроизведение действий каждого из собравшихся.

– И что же вы надеетесь узнать?

– Пока я вам этого не скажу. Прошу меня простить.

– Значит, вы хотите устроить представление? – спросила Молли.

– В общем, да, миссис Дэвис.

Наступило молчание. Тягостное молчание. «Это ловушка, – подумала Молли. – Ловушка.., и я не понимаю, как...»

Казалось, будто все пятеро, что собрались в гостиной, виновны в убийстве. Они искоса подозрительно посматривали на уверенного в себе, улыбающегося молодого человека, который предложил им разыграть это с виду такое невинное представление.

– Не понимаю, – крикнул Кристофер Рен своим визгливым голосом, – просто не понимаю, что вы хотите выяснить... Ну, сделаем мы то же самое... По моему, все это вздор!

– В самом деле, мистер Рен?

– Конечно, – веско произнес Джайлс, – мы сделаем так, как вы скажете, сержант. Мы будем вам помогать.

Значит, мы все должны в точности повторить то, что делали тогда?

– Да, нужно выполнить те же самые действия.

Майор Меткалф уловил некоторую неопределенность в этой фразе и бросил на сержанта острый взгляд.

– Мистер Паравицини сказал, что он сидел за фортепиано и наигрывал какую-то мелодию. Может быть, вы будете так любезны, мистер Паравицини, показать нам в точности, что вы делали?

– Разумеется, мой дорогой сержант.

Мистер Паравицини живо подскочил к фортепиано и уселся на вертящийся табурет.

– В исполнении маэстро прозвучит тема убийства, – торжественно объявил он.

Ухмыляясь, он принялся нарочито манерно одним пальцем подбирать мелодию «Трех слепых мышат».

«Разумеется, – подумала Молли. – Он радуется».

Медленные, приглушенные звуки, нарушавшие тишину огромной гостиной, производили жуткое впечатление.

– Спасибо, мистер Паравицини, – сказал сержант Троттер. – По-моему, вы именно так играли в.., прошлый раз?

– Да, сержант, так. Я проиграл эту мелодию три раза.

Сержант Троттер обратился к Молли:

– Вы играете на пианино, миссис Дэвис?

– Да, сержант Троттер.

– Не могли бы вы тоже подобрать эту мелодию, причем в той же манере, что и мистер Паравицини?

– Конечно, могу.

– Тогда подойдите, пожалуйста, к пианино, сядьте и приготовьтесь начать по моему знаку.

Молли была немного озадачена. Она медленно подошла к фортепиано.

Мистер Паравицини поднялся с табурета.

– Но, сержант, насколько я понял, – разразился он вдруг возмущенным протестом, – каждый из нас должен играть свою роль. В тот раз именно я сидел за пианино.

– Действия, которые вы будете выполнять, те же самые, что и в прошлый раз, но.., вовсе необязательно, чтобы их выполняли те же самые лица.

– Не понимаю.., вашей цели, – сказал Джайлс.

– А цель есть, мистер Дэвис. Она состоит в том, чтобы проверить ваши показания, в особенности одно из них. Теперь, пожалуйста, послушайте. Я назначу каждому его место. Миссис Дэвис останется здесь, у пианино. Мистер Рен, будьте добры, пройдите в кухню. Последите за обедом, который готовит миссис Дэвис. Мистер Паравицини, не подниметесь ли вы в спальню

мистера Рена? Там вы можете поупражняться в художественном свисте на мотив «Трех слепых мышат», как это делал мистер Рен. Майор Меткалф, пожалуйста, поднимитесь в спальню мистера Дэвиса и проверьте там телефонный провод. А вы, мистер Дэвис, загляните, пожалуйста, в чулан под лестницей, а потом спуститесь в подвал.

Снова наступило молчание. А потом четверо мужчин не спеша направились к двери. Троттер пошел за ними. У двери он обернулся.

– Сосчитайте до пятидесяти и начинайте играть, миссис Дэвис, – сказал он, выходя из гостиной.

Прежде чем дверь затворилась, Молли услышала пронзительный голос мистера Паравицини:

– Вот уж не думал, что полицейским так нравится разыгрывать любительские спектакли.

Сорок восемь, сорок девять, пятьдесят.

Окончив счет, Молли послушно начала играть. И снова вкрадчивые терзающие душу звуки, отдаваясь гулким эхом, упали в тишину гостиной.

Три слепых мышонка
Бегали сторонкой...

Молли почувствовала, как у нее забилося сердце. Паравицини прав: навязчивые, отвратительные, садистские стишки. Эта детская неосознанная жестокость, столь ужасная в устах взрослых...

Сверху едва слышно доносилась мелодия, которую насвистывал Паравицини, исполняющий роль Кристофера Рена.

Внезапно из библиотеки послышались звуки радио. Наверное, его включил сержант Троттер. Значит, сам он играет роль миссис Брил.

Зачем? И вообще какова цель этого спектакля? Девушка? Да, ловушка. Молли была в этом уверена.

Холодное дуновение коснулось ее щей. Она резко обернулась. Наверное, кто-то отворил дверь. Кто-то вошел... Нет, комната пуста. Внезапно она почувствовала страх. А вдруг кто-то войдет... Вдруг мистер Паравицини появится из-за двери, приблизится к ней своим странным прыгающим шагом., его длинные пальцы шевелятся, подергиваются...

«Играете реквием по себе, юная леди? Какое совпадение...» Боже мой, что за вздор., нельзя быть такой глупой., на придумывала всякой чепухи. К тому же ты сама слышишь, как он насвистывает наверху, И он, должно быть, слышит, как ты играешь.

Что за мысль! Она даже перестала играть. Никто не слышал, как играл мистер Паравицини. Значит, это и

есть ловушка? Ведь возможно, он и не играл вовсе? И был не в гостиной, а в библиотеке? Значит, это он задушил миссис Бойл?

А как он занервничал, как заметно занервничал, когда Троттер сказал, что она сядет за фортепиано. И он все время подчеркивал, что играл негромко, одним пальцем. Ну конечно, он специально это твердил, чтобы все подумали, что не слышали его, так как он играл очень тихо. А если на этот раз ее игру услышат, значит, Троттер добился своего – узнал, кто ему лжет, Дверь в гостиную отворилась. Молли, взвинченная ожиданием, чуть не закричала. Однако это оказался не Паравицини, а сержант Троттер. Он вошел, когда она в третий раз сыграла мелодию.

– Благодарю, миссис Дэвис, – сказал он. Он был чрезвычайно доволен собой, весел и явно чем-то обрadowан.

Молли убрала руки с клавиатуры.

– Ну что, удалась вам ваша затея? – спросила она.

– Да, вполне. – Голос у него был ликующий. – Узнал все, что хотел.

– Кто же вам лгал?

– А вы не догадываетесь, миссис Дэвис? Ну же, теперь это совсем нетрудно. Кстати, позвольте заметить, вы поступили крайне неблагоразумно. Позволили мне выследить третью жертву. И теперь вы в боль-

шой опасности.

– Я? Не понимаю, о чем вы.

– О том, что вы поступили со мной нечестно, миссис Дэвис. Вы кое-что утаили от меня. Так же, как и миссис Бойл.

– Не понимаю.

– О нет, хорошо понимаете. Вы ведь знали все о деле Греггов. Да-да, знали. Когда я о нем упомянул, вы очень растерялись. И именно вы подтвердили, что миссис Бойл была в ваших краях офицером, отвечающим за размещение беженцев. Вы с ней местные уроженки. Когда я стал размышлять, кто же станет третьей жертвой, то сомнений у меня не осталось – вы. Вы знали о деле Греггов из первых рук. Понимаете, мы, полицейские, не такие уж тупые, как о нас принято думать.

– Вы ничего не понимаете. Я не хочу об этом вспоминать, – тихо сказала Молли.

– Напротив, я могу вас понять. – Голос у него неожиданно дрогнул. – Ваша девичья фамилия Вейн-райт, да?

– Да.

– И на самом деле вы старше. В тысяча девятьсот сороковом году, когда случилась трагедия на ферме «Лонгридж», вы были учительницей в школе в Абби-вейле.

– Нет!

– Да, миссис Дэвис.

– Нет, говорю вам!

– Мальчику, который потом умер, удалось отправить вам письмо. Марку он украл. В этом письме он умолял вас, свою любимую учительницу, помочь ему. Учитель обязан знать, почему его ученик не ходит в школу. Вы же пренебрегли своими обязанностями. Вы оставили без ответа письмо этого несчастного ребенка.

– Пойдите! – Щеки у Молли пылали. – Вы же говорите о моей сестре. Это она была учительницей в школе. И она не пренебрегла своими обязанностями. Дело в том, что она заболела. У нее было воспаление легких. Письмо она прочла, когда мальчик уже умер. Его смерть потрясла ее, у нее было чрезвычайно чувствительное сердце. Она не виновата в его смерти. Она так тяжело перенесла это потрясение, что я до сих пор не могу без содрогания вспомнить об этой трагедии. Она преследует меня, как кошмар.

Молли подняла руки, спрятала в них лицо... Троттер не спускал с нее пристального взгляда.

– Значит, это была ваша сестра, – тихо сказал он. – Ну что ж, в конце концов... – он вдруг загадочно улыбнулся, – это не имеет значения, правда? Ваша сестра..., мой брат...

Он сунул руку в карман. На его губах играла теперь счастливая улыбка.

Молли смотрела на него, широко открыв глаза.

– Никогда не думала, что полицейские носят с собой револьвер!

– А полицейские и не носят. Понимаете, миссис Дэвис, я не полицейский. Я Джим, брат Джорджа. Я позвонил вам из телефонной будки, из деревни, и сказал, что к вам едет сержант Троттер. Потом я перерезал телефонный провод, который идет снаружи под окном гостиной, чтобы вы не могли позвонить в полицию.

Молли как замороженная не могла отвести от него взгляд. Револьвер был нацелен на нее.

– Не двигайтесь, миссис Дэвис..., не кричите, не то нажму на спусковой крючок.

Он все еще улыбался. У него была, как с ужасом поняла Молли, улыбка ребенка. Когда он заговорил, она услышала детский голос и детскую речь.

– Да, – сказал он. – Я брат Джорджа. Джордж умер на ферме «Лонгридж». Нас туда отправила эта противная миссис Бойл. Жена фермера так жестоко обращалась с нами... А вы не помогли нам..., трем мышатам. И я сказал себе: «Вот вырасту большой и убью вас всех». Я не шутил. С тех пор я все время об этом думаю. – Он вдруг нахмурился. – В армии мне ужасно

надоедали..., доктор все время о чем-то меня спрашивал..., пришлось бежать. Я боялся, что мне помешают сделать то, что я хотел. Но теперь я взрослый. А взрослые могут делать, что пожелают.

Молли взяла себя в руки. «Говори с ним, – приказала она себе. – Отвлеки его внимание».

– Но послушай, Джим, – сказала она. – Ведь тебе не удастся удрать.

Его лицо омрачилось.

– Кто-то спрятал мои лыжи. Не могу их найти. – Он засмеялся. – Но, думаю, все обойдется. Ведь это револьвер вашего мужа. Я его вытащил у него из ящика. Пусть подумают, что это он вас убил. А вообще-то мне все равно. Забавно все это. Комедия! Эта женщина в Лондоне, ее лицо, когда она меня узнала... А сегодня эта глупая гусыня!

Он покачал головой.

В тишине явственно послышались звуки жуткой мелодии – кто-то насвистывал «Три слепых мышонка».

И вдруг прогремел голос:

– На пол, миссис Дэвис!

Троттер вздрогнул, револьвер у него в руках дернулся. Молли упала на пол. Майер Меткалф вскочил из-за дивана и бросился на Троттера. Револьвер выстрелил, пуля пробила висевший на стене портрет – творение весьма посредственного живописца, доро-

гое сердцу покойной мисс Эмори.

И тут пошло-поехало – в гостиную бурей ворвался Джайлс, за ним Кристофер и мистер Паравицини.

Майор Меткалф, державший Троттера железной хваткой, рубил короткие, как выстрелы, фразы:

– Вошел, когда вы играли... Спрятался за диван... О нем знал с самого начала... Он не полицейский... Я из полиции – инспектор Таннер... Условились с Меткалфом, что займу его место... Кто-то должен быть здесь... Так решили в Скотленд-Ярде... Ну, парень, – вдруг очень мягко заговорил инспектор Таннер с Троттером, который был теперь послушен, как ребенок, – ты пойдешь со мной. Не бойся, вреда мы тебе не причиним. Все будет хорошо. Мы за тобой присмотрим.

– А Джорджи на меня не рассердится? – жалобным детским голосом пролепетал верзила Троттер.

– Нет, не рассердится, – успокоил его инспектор и, проходя мимо Джайлса, шепнул ему:

– Совсем свихнулся, бедняга.

Когда инспектор Таннер вывел Троттера, мистер Паравицини, коснувшись руки Кристофера Рена, тихо сказал:

– Идемте, мой друг.

Джайлс и Молли, оставшись одни, посмотрели в глаза друг другу. А потом Джайлс обнял Молли.

– Любимая, – сказал он, – как ты? Он до смерти

тебя перепугал, да?

– Нет-нет. Все хорошо, не тревожься... Джайлс, у меня в голове все перепуталось. Я чуть было не подумала, что ты... Зачем ты ездил в Лондон в тот день?

– Чтобы купить тебе подарок к годовщине нашей свадьбы. Дорогая, я хотел сделать тебе сюрприз.

– Поразительно! А я ездила в Лондон, чтобы купить подарок для тебя и тоже не хотела тебе об этом говорить.

– Я безумно ревновал тебя к этому неврастенику. Должно быть, я сошел с ума. Прости меня, любимая.

Дверь отворилась, и мистер Паравицини в своей обычной манере козлом вскочил в комнату. Он сиял лучезарной улыбкой.

– Мешаю примирению... Какая очаровательная сцена... Но, увы, я должен с вами проститься. Полицейский джип пробился сюда. Уговорю их взять меня с собой.

Он наклонился и с видом заговорщика зашептал Молли на ухо.

– Вероятно, в ближайшем будущем меня ждут некоторые затруднения... Но я уверен, мои дела поправятся, и если вы однажды получите ящик, в котором найдете гуся, индейку, несколько банок гусиной печени, окорок и, скажем, нейлоновые чулки, то примите это от меня в знак восхищения вашей красотой и обаяни-

ем. Мистер Дэвис, чек я оставил на столе, в холле.

Поцеловав руку у Молли, он выскочил за дверь.

– Чулки? Гусиная печенка? – шепотом сказала Молли. – Кто он, этот мистер Паравицини? Санта-Клаус?

– Санта-Клаус черного рынка, я думаю, – хмыкнул Джайлс.

Кристофер Рен просунул голову в дверь.

– Голубчики вы мои! Простите, если помешал, но из кухни ужасно пахнет горелым. Скажите, могу ли я что-нибудь с этим поделать?

Молли бросилась вон, отчаянно крича:

– «Пирог! Пирог!»